

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παραλιπομένων

*Любовь
Столица
Голос Незримого*

СТИХОТВОРЕНИЯ
РОМАН В СТИХАХ

Любовь Никитична Столица

Голос Незримого. Том 1

Серия «Голос Незримого», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6281934

С81 Голос Незримого. В 2 т. Т. I. Стихотворения. Роман в стихах:

Водолей; Москва; 2013

ISBN 978-5-91763-175-2, 978-5-91763-176-9

Аннотация

Имя Любови Никитичны Столицы (1884–1934), поэтессы незаурядного дарования, выпало из отечественного литературного процесса после ее отъезда в эмиграцию. Лишь теперь собрание всех известных художественных произведений Столицы приходит к читателю.

В первом томе представлены авторские книги стихотворений, в том числе неизданная книга «Лазоревый остров», стихотворения разных лет, не включенные в авторские книги, и неоднократно выходивший отдельным изданием роман в стихах «Елена Деева».

Содержание

РАИНЯ	13
ВЕСНА	14
1. ВЕСЕННЯЯ МУЗА	14
2. ГОД	15
3. СОЛНЦЕВОРОТ	17
4. АУ!..	18
5. ПАСХАЛИЯ	20
6	21
7. ЛЕВКОИ	22
8. С ФИАЛКАМИ...	23
9. ВЕШНЕЕ ТАИНСТВО	24
10. ВЕСЕННИЙ РИТМ	25
11. ПРИСНОДЕВА	26
ЛЕТО	28
1	28
2. ЗЕМЛЯ	29
3	30
4. НА КАЧЕЛЯХ	31
5. ДОЧЬ ЗЕМЛИ	32
6. СЫН ЗЕМЛИ	34
7. УТРЕННИЦА	36
8. ДВА СИЛУЭТА	37
9. ПЕРВЫЙ ДРУГ	39

10. КУПАНЬЕ	40
ОСЕНЬ	42
1. ПТИЦЕЛЕТ	42
2. ПЛАЧ ПО ЗЕМЛЕ	43
3. ОСЕННЕЕ ЭХО	45
4	46
5. ЗОЛОТОЙ СБОР	47
6. ГАРМОНИЯ	50
7. ОСЕНЬ	51
8. НЕБО	53
9. ОСЕНИНЫ	54
10. УСПЕНИЕ	55
11. ПОСВЯЩАЕТСЯ Р.С.	56
12. ИЗГНАННИКИ	57
ЗИМА	59
1	59
2. СНЕГ	60
3. ИНЕЙ	61
4. НА ЛЫЖАХ	62
5. ПЛЯСОВАЯ МЕТЕЛИЦА	63
6. С ГОР	64
7. СНЕЖНОЕ ЧУЧЕЛО	66
8. СНЕГУР	67
9. БРАК	68
10. ВИХРЬ	70
11	70

ЗЕМНЫЕ ОБРЯДЫ	72
1. КРЕСТИНЫ	72
2. СВАДЬБА	73
3. ПОХОРОНЫ	75
ДНИ	77
1. ПОНЕДЕЛЬНИК	77
2. ВТОРНИК	78
3. СРЕДА	79
4. ЧЕТВЕРГ	80
5. ПЯТНИЦА	81
6. СУББОТА	82
7. ВОСКРЕСЕНЬЕ	84
8. ПАЛОМНИКИ	85
РУСЬ	87
РАЙ	90
ЛАДА	107
ПЕСЕННИК	107
ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ	108
ЛАДА	108
К НОЧИ	110
К ДОЖДЮ	111
К РАДУГЕ	113
К СОЛНЦУ	114
К ЗАРЯНИЦЕ	116
К СОЛНЦЕВОЙ ДЕВЕ	117
К ВЕЧЕРНИЦЕ	118

К ВЕТРУ	119
К ОБЛАКАМ	120
К САДУ	121
К ЗЕМЛЕ	122
К НЕЖИТЯМ	124
«НАД ВЫШКОЙ БЕЛОБРЕВНОЮ...»	126
К ПТИЦАМ	127
К ЦВЕТАМ	128
К РОСАМ	130
К ЛУЧАМ	131
ВЕШНЯЯ КНИГА	132
ПТИЦА ГАМАЮН	138
ЛЕТНИЕ ПЕСНИ	140
К ДУБРАВЕ	140
К ПЧЕЛАМ	141
К ЗМЕЯМ	142
ГРОЗОВЫЕ ПЕСНИ	144
К ВОДАМ	153
К ЗВЕЗДАМ	155
ПТИЦА СИРИН	156
ОСЕННИЕ ПЕСНИ	158
К ЛИСТЬЯМ	158
К ТУЧАМ	160
К ЯБЛОКАМ	161
ХМЕЛЕВЫЕ ПЕСНИ	162
К ДАЛИ И ВЫСИ	171

К ЗВЕРЯМ	172
ПТИЦА АЛКОНОСТ	173
К СНЕГУ	175
К МЕСЯЦУ	176
К НЕБУ	177
ПТИЦА ФИНИКС	179
РУСЬ	181
ДЕРЕВЕНСКИЙ ГОД	181
ВЕСНА	181
ЛЕТО	182
ОСЕНЬ	183
ЗИМА	184
ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕНЬ	186
УТРО	186
ПОЛДЕНЬ	187
ВЕЧЕР	188
НОЧЬ	189
ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ	191
МАСЛЕНИЦА	191
КРАСНАЯ ГОРКА	192
СЕМИК	193
КУПАЛО	194
ДОЖИНКИ	195
СВЯТКИ	196
ОЗОРЫ	198
ПОЛЯ	198

РЕКА	199
ЛУГ	200
ЛЕС	201
САДЫ	202
МУЖИКИ	204
ПАХАРЬ	204
ПЛОТНИК	205
РЫБАК	206
ОХОТНИК	207
ЯМЩИК	208
КРЮЧНИК	209
БРАТЧИК	210
БАБЫ	212
ЖНИЦА	212
ШВЕЯ	213
ШИНКАРКА	214
ПОЛОЛКА	215
СОЛДАТКА	216
БОГОМОЛКА	217
ЗНАХАРКА	218
ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ	220
ПУЧЕШНИКИ	220
ПЛОТОВЩИКИ	221
БАРЫШНИКИ	222
ТОРГОВЦЫ	223
КУСТАРИ	225

БАТРАКИ	226
ГУРТОВЩИКИ	227
КОСЦЫ	228
ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ	230
ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ	230
ДЕРЕВЕНСКИЕ ЗАБАВЫ	236
КАЧЕЛИ	236
СТЕНКА	237
ГОРОДКИ	238
ПЛЯСКА	239
КРУЖАЛО	241
ДЕРЕВЕНСКИЕ СВЯТЫЕ	243
ЕГОРИЙ	243
ПАРАСКЕВА-ПЯТНИЦА	244
ВЛАСИЙ	246
БОГОРОДИЦА	247
СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ	250
СОЛДАТ	250
КАЗАК	251
МИЛАЯ	252
ДЕВИЧЬИ ПЕСНИ	254
«ГОЛУБОЕ ВИНО...»	254
СРЕТЕНСКАЯ	255
ВЕЛИКОПОСТНАЯ	255
БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ	256
ПАСХАЛЬНАЯ	257

РАДОНИЦКАЯ	258
НИКОЛЬСКАЯ	258
ТРОИЦКАЯ	260
РУСАЛЬНАЯ	261
КУПАЛЬСКАЯ	262
ЛАЗОРЕВЫЙ ОСТРОВ	264
ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ	264
ЧАСТЬ I	266
ЖИЗНЬ	266
НАДЕЖДА	267
К САФО	268
МОЯ МУЗА	270
ВДОХНОВЕНИЕ	271
ГИМН ВЕСНЕ	273
ПРОЩАНИЕ С ВОИНОМ	274
ВЕЧНАЯ ЮНОШЕСТВЕННОСТЬ	275
НАКСОС	277
ОСЕНЬ	278
БОЖОК	279
БЕЗУМИЕ	281
ОН	282
ПОРТРЕТ	283
«ЧУВСТВО РАЗУМОМ НЕ ДЕЛИТСЯ...»	285
ВСТРЕЧА	286
ЖЕЛАНИЕ	287
НОЧЬ ИЗ ШАХЕРАЗАДЫ	288

УТРО ИЗ ШАХЕРАЗАДЫ	289
МАГОМЕТОВ РАЙ	291
ГАЗЭЛЛЫ	292
В МАССАНДРЕ	296
ТАБАК	297
ДАФНИС И ЛИКЕНИОН	298
КЕНТАВР	299
ФАМИРА-КИФАРЕД	302
ИАКХ И ИОАНН	303
«PRIMAVERA»	304
Конец ознакомительного фрагмента.	305

Любовь Столица

Голос Незримого. Том 1

© РГАЛИ, 2013

©Л.Я. Дворникова, составление, подготовка текста, послесловие, примечания, 2013

©В.А. Резвый, составление, подготовка текста, примечания, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

РАИНЯ

стихи

*Ох ты, матушка, пустыня,
распрекрасная раиня.
Из старин<ной> песни*

Тихо вступаю в твой сад я, земная пустыня – раиня,
Кущам зеленым несу радостных утр бытие.
К юным устам приклонись, о тростник заповедный,
напевный!
Пусть взлетает – летит трелью крылатый восторг!

ВЕСНА

1. ВЕСЕННЯЯ МУЗА

Когда мне жизнь стокрылая вручила тайны нить,
Во храм к жрецам вступила я – должна была вступить.

Там совершалось верное служение векам —
Бряцали лиры мерные, пел синий фимиам...

То длился культ таинственный, великий, но былой:
Был мертвым бог единственный, воспетый их хвалой!

Вот – статуи, вот – мумии, вот – пышный саркофаг...
Стояла я в раздумии, не в силах сделать шаг.

И здесь казалась ложною та мысль, что, кроме сна,
Есть где-нибудь тревожная, зеленая весна.

Но ты мне, о Весенняя, на мир раскрыла дверь —
Живу в душистой сени я с тобой сам-друг теперь.

Как дети беззаботны мы, как дикари – наги
И плясками налетными чертим в лугах круги.

Иль, сев на холм развлаженный под голубую ель,
Перебирая скважины, возьму в уста свирель.

Прильнув своим запястием к перстам неверных рук,
Ты учишь с гордым счастьем рождать великий звук.

Твоим весельем душу я да напою навек!
И пусть ликует, слушая те песни, человек!

5 декабря 1907

2. ГОД

Засеян год. И быть весне.
Уж заряницы полосы
Растут, как крылья, в зимнем дне!
Уж дев завились волосы!..

Воскресла! Встала! К нам идет!
Как Лазарь опеленута.
Лазурь несет, целует лед —
И тает он, ей тронутый.

Скорей, скорей навстречу к ней!
Дитя к дитяти ринется.
Пусть рассмеется песнь песней
И эхом в жизнь откинется!

Зеленым пламенем весны
Душа моя охвачена.
Бегу по кочкам целины,
Неровностью раскачана.

Ты – близко, Вечное Дитя...
Уж пелены отвесило
На хвойный сук. Летишь, как я,
Обнаженно и весело.

О, дай мне алую ладонь!
Она лучом пронизана...
Неси нас ветер – резвый конь!
Гора. Вот ухнет вниз она...

Мы в улей солнечных дубрав
Рука с рукой укроемся,
Прикопим в соты сладость трав
И в чернозем зароемся,

И выдоим шелковых коз
С тяжелым, белым выменем,
И скликнемся между берез,
Как дружки, нежным именем.

Пожнется год. И сгинет злак.
К чему сомненье гневное?!
Умрет весна. Да будет так.
Восстанет вновь, трехдневная!

1 декабря 1907

3. СОЛНЦЕВОРОТ

Больше, всё больше снегóвеет хижина.

Сплю...

Ведьмой-зимой пленена и унижена,

Сон свой весенний лелею и длю.

Лес, мой пестун седокудрый, баюкает.

Вдруг

Что-то в оконце слюдяное стучает:

Кто-то взманил меня трепетом рук.

Розовый лик с золотыми веснушками...

Чей?

Дева цветет под нагими верхушками,

В окна плескается смеха ручей:

– Время тебе распрощаться с берлогою!

Выдь! —

Солнышко. Жмурюсь, сердитая, строгая —

В спячке отвыкла я петь и ходить.

Вот от замка ледяного свободная

Дверь!

Ринулась сильная, злая, голодная, —

Вешнюю волю почуявший зверь.

В жарком луче бытия ошалелая,
Мчусь...

Кудрями алыми ветку задела я
И хохочу, и кружусь, и валюсь...

Хмель голубого, горячего воздуха
Пью,
Ложа ночного короткого роздыха —
Норы и гнезда – копаю и вью.

Снами без снов под родными макушками
Сплю...

Розовый лик с золотыми веснушками
Девы-веснянки целую, люблю.

10 декабря 1907

4. АУ!..

Далее нищая земля...

Одна сосна

Лишь зелена.

В парном тепле лежат поля.

Как голубь бирюзово-сиз,

Ручей рассек

Крылами снег —
Летит, воркуя, с кручи вниз...

А в недрах копится трава,
На ветках — лист.
Как аметист,
Поднебесь грустно-розова.

Сошла я в дол навстречу Ей.
— Ау, весна!..
Восстань от сна
Из гроба ледяных хрусталей!

Для игр девичьих жду тебя!
Ау, сестра!
Ау!.. Пора
Нам в хороводы встать любя! —

И озеро, поголубев,
Взыграло льдом,
И чернозем
Исторгнул летошний посев.

Фиалки спеют по буграм,
На пашне вол
Бразду провел.
О, где ты? Здесь ли, тут ли, там?

Пусть я одна к тебе иду —

Восстал за мной
Мир земляной!
Весна! Ау! Ау! Ау!

18 января 1908

5. ПАСХАЛИЯ

Камень сугроба
От зимнего гроба
Отвален.
Чудом разлиты
Вокруг хризолиты
Проталин.

Ангелов сонмы
В лазури истомной
Лучами
Всходят – нисходят...
И облаком бродит
Их знамя.

Луч белокрылый
Стоит у могилы,
Вещающая:
– Твари, о, верьте,
Восстали от смерти
Дни мая. —

Птицы ликуют,
В лазури кочуют
И в долах.
В чащи олени
Бегут от селений
Веселых.

Отрок и дева
Сохою посевы
Промерят:
В вешнего бога
Наивно и строго
Поверят.

Озимь открылась.
Земля олучилась —
Воскресла.
Братья, кто с нами?
Овьемте цветами
Ей чресла!

12 декабря 1907

6

Вечера приплывают неслышные, розовые...
В талом сквере, напротив, аллеи березовые

Облекаются
Фиолетовой ризой...
Колокольчикам конки грачи откликаются.
У оконной маркизы
Копошусь, в узком ящике землю раскапывая:
Резеду и петунии причудливо-красовые,
Хрупкоствольные
Уж засеивать время.
Чу! Кольшутся вздохи церковей богомольные...
Серебристое семя
Уж зарыто землей влажно-черною, плюшевою.
Прислоняюсь к окну, руки солнцем осушивая...
Чуть лиловые
Шевелятся березы...
.....
В этот миг зарождаются в сердце махровые
Предвесенние грезы.

12 января 1907

7. ЛЕВКОИ

Солнышко какое!
Приоткрыла форточку.
Беленькую кофточку
Ветер колыхает...
Мальчуган румяный желтые левкои
Робко предлагает.

Я, смеясь, кидаю
Деньги серебристые,
А цветы пушистые
Погружаю в вазу.
Мальчик блестки ищет, в лужи попадая
Ручкою чумазой.

Верх сарая мшистый
Весь облеплен птицами...
Ослепляя спицами,
Мчатся два угрюмых,
В пестреньких костюмах,
Велосипедиста.

На окне левкой...
Солнышко какое!

15 января 1907

8. С ФИАЛКАМИ...

Смеется небо...
Смеются люди...
Танцуют шляпы, боа, фуражки...
На крыльях – кэбы!
В цветах – запряжки!
Букет фиалок на каждой груди.

Нашли друг друга
В янтарной пыли.
Приник устами к ее перчатке,
Душистой луга...
А две мулатки
В ландо блестящем глаза скосили.

Пошли. Смеются...
Любви мотивы,
Как вешний воздух, из уст их льются.
Исчезли кэбы...
Смеется небо...
Они счастливы. О, как счастливы!

20 января 1907

9. ВЕШНЕЕ ТАИНСТВО

Сумерки белые в таинстве вешних родов цепенели.
Я на веранде ждала за драпри парусинными.
Звезд голубыми венками сплетала свои иммортели —
Думы мои запарили кругами старинными...

В мягкой, родной колыбели баюкались желтофиоли —
Гордым обетом жило их младенчество бедное.
Тихо и властно стонала земля в плодородящей боли:
Жизни за жизнями миру дарила, победная!

И проливались ручьи – материнские светлые слезы...
Очи омыла я влагою их чудотворною.
Жадно глотали обильное млеко цветы и березы...
С ними питалась я силой подпочвенной черною.

Ваша я – первенцы мощной весенней пустыни,
Воды бегучие, глыбы могуче-инертные!
Ваша я – жизни, начало приявшие ныне!
Ваша – о весны великие, в смерти бессмертные!

Апрель 1907

10. ВЕСЕННИЙ РИТМ

А. Ершову

Спугнули лампы наши сны.
О друг, идем же на крыльцо!
Рука с рукой. Сидеть. Молчать.
Принять иное – то – лицо...
О этот ритм шагов весны!
Как их не ждать, как их не знать!

Ты видишь? Реет херувим
В сребрах-кудрях над головой,
На блюдо ловит диск луны.
Взлетим, взлетим, взлетим за ним!
И мяч воскинем золотой

До вожденной вышины!

Ты слышишь? Льется трепет цитр,
И вышний певчий хоровод
Святых и солнц, детей и звезд
Пред очи наши предстает...
О, сколько лиц, венцов и митр!
И нас сближает Млечный мост...
Но недовольный – дольний звук.
То – на земле младенца плач.
Ему приснились злые сны...
Зовет нас времени трубач!
Разорван круг сердец и рук —
Нарушен ритм шагов весны.

Апрель 1907

11. ПРИСНОДЕВА

Когда в сияньи утра я молюсь, лицо склоня,
Весенняя, Немудрая – Ты смотришь на меня:

На персях руки свилися молитвенным крестом,
И кудри заслонилися трепещущим холстом.

Ручьем псалмов колеблемы, уста – как виноград.
У ног – златыми стеблями блистает кринов сад.

Вдали холмы написаны, лазурь и белый храм...
Нисходит плавно вниз она, святая Мариам —

Идет, синеочитая, от неба до земли,
Среброкрылатой свитою с ней духи снизошли...

И херувимы ленные гласят в свою свирель:
— Се — Дева Вожденная, Веселие земель! —

О цвет неувядаемый! Безгрешная земля!
Зачем тебя не знаем мы, дух скорбью запыля?

Зачем же позабыли мы священный женский смех?!
Зачем досель незыблемый царит унынья грех?!

Тебе, Невиннокудрая, молюсь я, стан склоня.
Блаженная, Премудрая, возрадуй же меня!

Октябрь 1907

ЛЕТО

1

Дышит медом травяная глубина,
Увиваются над ней туманы тюлевые...
Вновь напевен воздух! Вновь жива весна!
Улыбаюсь я, просторами разгуливая.

Бытие мое смутили города,
Думу девственную злобою укалывая.
И вернулась, уж навек, я к вам сюда —
Шири солнечные, влажности опаловые!

Поступь трепетна. Испуган бледный лик.
И дыханье холодно, как лето северное...
А земной зеленый мир блажен, велик,
Мне объятья полонил охапкой клеверною.

И не знаю я, сплету ль себе венок?
И сумею ль?.. И посмею ли?.. Оканчивая,
Я свиваю жизнь свою с цветком цветок
Из тебя и для тебя, о земь приманчивая!

1 июня 1907

2. ЗЕМЛЯ

Ты – предо мной, земля. Великая земля...
Пространная, золоторосая...
К величью твоему взывая и моля,
Взираю на тебя с откоса я.

На западе поник березовый лесок —
Закаты тюлем занавесятся.
А рожь, лазурясь, постелилась на восток —
Над ней улыбка полумесяца.

О первый мой привал, песчаный косогор,
Где мне открылась весь безмерная! —
Тебя покину я. Бери меня, простор!
Я в дол глубокий ринусь серною.

И там, дитя земли, прострусь пред нею ниц.
Пусть к черным персям ухо склонится...
Быть может, мне устами кротких медуниц
Веленье Матери проронится?

Восставши, удалюсь указанной тропой —
Природы радостная схимница.
Прости же, Мать, когда под быстрою стопой
Хотя единый цвет твой вымнется!

3

С жизнью зеленой
Вся жизнь моя связана.
Пажить золотая
И ландышник белый,
Бабочки мая
И яблочек незрелый
(Всё, что поблизости, всё, что вдали) —
Вами предсказано
Мне, изумленной,
Чудесное счастье
В жизни зеленой —
Счастье земли.
Солнца ль запыстье
Сомкнется над долами,
Свяжутся ль тени
Над нивою черной, —
В недра рождений
Вею я зерна.
(И проплывают утра, вечера)...
Это ль не счастье?!
Руками веселыми
В землю внедряться,
Творить – растворяться

Нынче, вчера...

6 июня 1907

4. НА КАЧЕЛЯХ

Подымаюсь, опускаюсь,
Свежих листиков касаюсь
Пламенным лицом.
Приближаюсь, удаляюсь,
Я качаюсь, я качаюсь
В голубом.

Вижу тучек пышный локон,
Стройный контур дальних окон,
Море красок – луг.
Ветер в уши мягко дует,
И с испугом вдруг целует
Шею – жук.

Выше, выше, в голубое!
На роскошно-снеговое
Облачко лечу.
Белым завитком играю,
В синих взорах замираю,
Хохочу.

Июнь 1906

5. ДОЧЬ ЗЕМЛИ

1

Половодьем дол окрестится,
Сад орбозовится вишнею, —
В вёсну дева заневестится
С томным плачем, с грезой пышною.

И туда, где в речки синие
Снеговые глыбы топятся,
И цвести помпоном инея
Одуванчики торопятся,

Станет часто-часто хаживать
И тревожная, и дремная.
Будут в кочках мох приглаживать
Стопы голые и темные.

Нежной похотью полян дыша,
Тело тянется и клонится...
Серебряный бубен ландыша
Зазвенит и посторонится.

Зацветя мечтою смелою,

Дева спит – не спит – раскинется...
Грудь ее янтарно-спелая
Гроздью наземь опрокинется.

А найдет розоволикую
В травах юноша обещанный —
Обернется злою, дикою.
То девичьим сном завещано.

2

В небе зреют колосья закатные —
Золотые поля,
И пустеет жнитво необъятное —
Голубая земля.

На хлеба с утучненными зернами
Поднят радостный серп:
Их Жена полосами покорными
Обрекла на ущерб.

Гнется, колет, отпрянет – замается
Над обставшим врагом!
И горячей росой окропляется
Лик с малиновым ртом.

О, как желт ее плат, что на темени!

Больно видеть глазам...

Ей ли мерить взмах силы и времени —

Жрице, вшедшей во храм?!

В небе – золото. Уж нет его на поле!

Миг блаженный настал —

К груди щедрой, что стебли царапали,

Ртом младенец припал.

Над холмом – серебреет Медведица.

Сзади – стогны снопов.

Молоко благодатное цедится

Из священных сосцов.

Ты, о женщина, как Богородица,

Как земля, высока!

Жизнь тобой, полночревной, родится...

Так из века в века.

25–30 января 1908

6. СЫН ЗЕМЛИ

Апрелем хмельным

Пьяна земля.

Весельем трельным

Гудят поля.

И отрок гордый
Идет за плугом
Запашным кругом,
Чертя в нем хорды.

Упружит бедра,
Смирив ветр.
Он – пахарь бодрый
И геометр.

Удар мотыги
Могуч и част.
Лучатся миги —
Дробится пласт.

Пусть Бог расплещет
Весь жемчуг ливней,
Он лишь разливней
Кудрями блещет!

С улыбкой взора
И мышц игрой,
Он – дух Простора,
Полей герой.

Увялой розой
Закат опал.
Вернулись козы...
И он устал.

В молитве к лугу
Награды просит...
И луг выносит
Ему подругу.

Как зерна сильны,
Лежат в пыли...
Он – бог ковыльный.
Он – жрец земли.

Октябрь 1907

7. УТРЕННИЦА

Золотым бутоном лопнув, распустилось солнце.
Рано-рано. Избы дремлют. Легкий стук в оконце,

Щелк бича, – и мальчик смуглый, с сладостной зевотой,
Гонит стадо, залитое теплой позолотой.

И, как облаки, по лугу носятся барашки,
Принимают их копыта розовые кашки.

Мордой влажною коровы щиплют стебель сочный,
И от тел их пышет запах жаркий и молочный.

Ветер цедит колокольцев отзвон серебряный.

Ржет – играет жеребенок, внешней силой пьяный.

И холмами тают дали в сини необъятной...

Утро, солнце, люди, звери, запах, звуки, пятна! —

О земля! как ты могуча бытием зеленым!

Миром тварей, беззаветно, радостно влюбленным!

Их восторг живой таится в яйцах птиц болотных,

В грузных пестиках цветочных и в прыжках животных,

И в свирельном юном гимне, что, скругляя щеки,

Пастушок румяный зачал, лежа на припеке.

12 января 1908

8. ДВА СИЛУЭТА

В час, когда деревьев листья

Сцепят вязь,

В алом небе черной кистью

Кружевься,

На холме два силуэта

Манят взгляд.

Рама им – луга и лето.

Фон – закат.

В мураве один простерся,
Весь нагой,
С выгибом капризным торса —
Мальчик-зой!

Фреской – бич его под дубом
Вековым,
А свирель прижата к губам
Молодым.

У другого – милый профиль
И венок.
Сзади них цветет картофель,
Барвинок.

Сзади – в травах задремали
Их стада.
Сзади – в розовой эмали
Города.

Вот, зарей насквозь протрижен
Черный куст,
И на алом лаской сближен
Контур уст.

5 января 1908

9. ПЕРВЫЙ ДРУГ

Любит он весь ярый полдень без движений
Пролежать во мху на животе,
Хоть свободны от одежд его колени
И не знают равных в быстроте.

Любит гордо, по-мальчишески, ленивась,
В двух-трех нотках пробовать свирель.
Он – зверок, у стад посаженный на привязь,
Он – просторов пленник – отрок Лель.

Сладко мне тогда с возможностью лобзанья
Наклонять себя к его устам —
Увеличить, вновь уменьшить расстоянье —
Заманить, как мотылька, к цветам.

Иль, доверясь солнечным его объятьям,
На плече нагом полужаснуть...
Чувствовать, как рассерженный цепким платьем,
Рвет его, мою целую грудь.

О, он дикий! Но родной и сердцу милый...
Смуглотел, кудряв и невысок.
Мышцы рук его меня пугают силой,
А с мои, не больше, стопы ног.

Я люблю его за то, что колос хлебный,
Мед и плод – всё крадет мне, как еж,
Что он голый, сильный, близкий и враждебный,
Что он многим на меня похож!

7 января 1908

10. КУПАНЬЕ

Жарко... Под гору упали мы,
Где нас в люльку принял хмель,
Где поток убрал эмалями
Мерных волн своих качель.

Долгой струйкой камни точатся,
Стрекоза дрожит – дрожит...
Нам шалить, купаться хочется!
Нам неведом страх и стыд!

Пали с тел лохмотья красные —
И две голые спины
Полудетские прекрасные
Синевой отражены.

Миг пугливости... Вдруг ринулись.
Холод... Брызги... Хохот... Крик...
Вместе сдвинулись – раскинулись...
Каждый счастлив, юн и дик!

Расплескались, свились под руку,
С громким фырканием плывем.
На плечо упала к отроку
Я белеющим пятном.

– Милый, черпаешь ты золото
Сетью влажною волос... —
– Милая, к грудям приколоты
У тебя бутоны роз... —

Отдыхая ль сладко на мели,
Иль ныряя в щучий лог,
От зверей, от солнца, сами ли,
Иль помог нам ярый бог, —

Научились мы лучистое
Бытие свое ценить,
Тело радостное, чистое
Мощью девственной любить.

Январь 1908

ОСЕНЬ

1. ПТИЦЕЛЕТ

В лазури спешный птицелет,
В лесах – соборованье золотом.
Мой дух земной страшится – ждет
Под вскинутым осенним молотом.

Печалюсь, вянут тополя,
Но птицам облачность раздвинута!
Больная нищая земля
Для гнезд лазоревых покинута...

Над головой шуршанье крыл —
Летят и ловкие и валкие...
— А ты, мой разум, много ль сил —
В тебе, чтоб сторгнуть страхи жалкие?

Ужель тебя своей судьбой
Скитальцы воздуха не радуют?.. —
Птенец жемчужно-голубой
К моим ногам внезапно падает.

Застыл агатовый глазок

В тоске мертвееющей усталости,
А птичий рой далек, высок
Над ним пронесся чуждый жалости.

Застыть и мне средь нив-пустынь?
Иль гласом осени приказано,
Дерзнуть – взлететь в Святую Синь,
С которой древле сердце связано?!

Увы! Мой дух страшится, ждет...
Как жажду, жажду детской веры я!
Над головой эфиромет
Вздывают крылья желто-серые.

15 августа 1907

2. ПЛАЧ ПО ЗЕМЛЕ

О, земля моя осенняя,
Чуть живая, беспобедная,
Пред тобой клоню колени я,
Лобызая тело бедное...

Ты лежишь, изнеможенная
Неизбывной постарелостью,
На бесплодье обреченная
Ледяной оцепенелостью.

- Где же мощь твоя зеленая? —
- Истощилась, пала, сгинула... —
- Где же жизнь твоя влюбленная? —
- Отлетела ввысь – покинула... —

Как не стало в ширях колоса,
В зорях – славящего пения,
В деревьях – золотого волоса,
Я, дитя твое, в сомнении:

По тебе, земля любимая,
Плач слагаю на свирели я,
Но, двоением боримая,
Жажду Вышнего Веселия.

Ты рождением измучена,
Вся исколота, просверлена...
А лазурь! И между туч она —
Бирюза... И тюль... И перл она...

Мать, простишь ли дочь неверную?
Распростертая в молчании,
Отдаю с мольбой безмерною
Я тебе свое лобзание.

18 августа 1907

3. ОСЕННЕЕ ЭХО

Желтым садом с тусклым взглядом
Средь холодных клумб блуждаю.
Что здесь было – не забыла.
Вспоминаю. Вспоминаю...

.....

Знойный вечер. Алый глетчер
Грезит в талях горизонта.
С криком сердца скрипну дверцей,
Голубея диском зонта.

Шаг пугливый торопливо
Крадет нежная аллеика.
Сзади – розы, скабиозы
Влажным ртом целует лейка.

Пав на землю, ухом внемлю
Под душистым кровом сена —
В час условный, в час любовный
Что-то ждет – восторг, измена?

Заунывно и наивно
Плачут песни дальней звуки.
Близкий топот... Близкий шепот...
В дружных ласках бьются руки...

Вместе. Рядом. Взгляд со взглядом.
От лобзаний стонут груди.
Где-то небо, волны хлеба,
Где-то громко спорят люди...

Пышным садом с пьяным взглядом
Утомленно проплываю...

.....
То бывало – и не стало.
Забываю. Забываю.
Октябрь 1906

4

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

В мрачном саду скорбно никнет беседка нагая,
Пурпурный плющ ее бросил одну, увядая.
Зябнет. Тоскует. Шлет красному другу упрек.

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

Печь веселится, искрит пересветом обои.
В мрачном саду умирают покорно левкой.
Грустный паук вьет последний, лучистый моток.

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

Нет его... Нет. Согревал, но огня не дождался.
Красным устал быть... Ушел... Побледнев, оторвался.
Сердце тоскует. Шлет дальнему другу упрек...

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

Сентябрь 1906

5. ЗОЛОТОЙ СБОР

1

Близко пора золотая
Сладостно-тяжкого сбора.
Ярким плодом зацветая,
Тучатся гряды простора.

Ядра кочнов зеленеют
В свекольной пурпурной крови,
Репы янтарные преют,
Грунт проалили моркови.

Дальше... Подсолнухи – звезды!
Золото, золото – дыни!
Маков чреватые гнезда

Полям уходят до сини.

Выше... Медовые тучи
Тминных и хмелевых гроздей,
Яблок прозрачный, пахучий,
Сени калиновой гвозди...

Пламенных красок потоки,
Долгие, синие тени,
Горько-сладимые соки,
Запах веселий и тлений, —

Ты это, осень хмельная,
Дольних возвестница сборов!..
Дуба плоды пожирая,
Чу, уже хрюкает боров!

Встало счастливое время.
Други, скорее к корзинам!
Вешнее малое семя
Ныне воздаст за труды нам!

3 февраля 1908

Буйные и злые, мы, как печенег,
Пажитей осенних расхищали скопы —

Золотом пшеничным вьючили телеги,
В зеленях священных проминали тропы.

Мы на яровые трепетные травы
С меткими цепами дерзостно восстали.
В жажде разрушенья, правы и неправы,
Отдались безумью дольных вакханалий.

С грохотом триумфа возвращались в села
Полные добычи наши колесницы,
А в садах под ношей сладостно-тяжелой
Гнулись, улыбаясь, дети и девицы.

Я с ордой разгульной из глубин богатства
Емкою пригоршней черпала без меры.
Встала – ужаснулась делу святотатства,
Удалилась плача в буерак – пещеры...

Но земля терпела, но земля ютила
Хищников веселых шумные работы,
Неизбывным чревом нежно потаила
Их грядущим летам новые щедроты.

Стыд моей печали, гордой и немудрой,
Разве жатва – севу вешнему помеха?
Разве не обилен Свет, дарящий утро?
Разве плач мой чище и нужнее смеха?

5 февраля 1908

6. ГАРМОНИЯ

Настала ночь такая лунная,
Такая гордая,
Хрустальная.
Гляжу в нее бесстрашно-юная,
Любовно-твердая,
Печальная.

Охвачена зеленым холодом,
Сажусь под ветлами
На камень я.
Душа алкает вечным голодом,
Горями светлыми —
Ждет знаменья.

Вниз гляну – розы невозвратные:
Их осень верная
Не минула.
Вверх – тают земли златоскатные:
Их Длань Безмерная
Воскинула.

И Вечностью Веков объемлемы,
От нас отъятые —
Покоятся...
Но снова должно быть им землями!

Огнем объятые —
Откроются.

Благословлю той ночи бдение —
Им слово чаянья
Мне сказано:
– У неба нет с землей деления. —
И сеть отчаянья
Развязана.

25 августа 1907

7. ОСЕНЬ

В врата золотые
Вошла я печалась.
То – кущи ль святые,
Где мы наслаждались?
Влекусь я рыдая
Под сенью заката,
Гирлянд расплетенных
И арок зажженных —
Развалин когда-то
Прекрасного Рая.

Крылатая осень —
Архангел смертельный,
Чей шлем златоносен, —

Угрозой метельной
За счастье карая,
Рукой пожелтелой
Свой меч воздымает,
Как страж изгоняет
Меня за пределы
Осеннего Рая.

Навеки лишусь ли
Я райской храмины?
Вот – порваны гусли
Златой паутины...
Вот – в страхе взлетая,
Кружат херувимы
В пурпурных одеждах
С слезами на веждах,
Всё мимо и мимо
Сожженного Рая...

Последние вздохи...
Последние взоры...
А дальние сохи
Подъемлют просторы...
Бегу, поминая
Немыми слезами
Блаженное лето,
Венки и обеты,
Что вились во Храме
Зеленого Рая.

8. НЕБО

Три святые осенние ночи
Мы молились за миг равенствий.
Облачили нас схимой туманы,
Оковал нас веригами холод.

На холме одиноком и росном
Золотились, как венчики, кудри —
То, подъявши главы свои к звездам,
Постигали мы вышние тайны.

– Друг, вот – Лира... Весы... Это – Дева...
Видишь, – серебра кос Береники. —
Так читали небесные свитки.
Так учили созвездий скрижали.

И душой приобщались мы Миру,
Разуменьем страшились мы Бога...
А у ног безболезненно-кротко
Преставлялись цветы полевые.

А когда нам из скинии неба
Заблестела святыня Денницы,
Перед Ней опустили мы очи

И познали Восторг Совершенный.

Сентябрь 1907

9. ОСЕНИНЫ

День последний
Будем праздновать мы огненной улыбкою!
От обедни
Я веду тебя рукой упрямо-гибкою.

Стая цаплей
Расплясалась над веселой колокольнею,
Листьев капли
Хороводятся блаженнее, безбольнее...

Солнца жалость
Отогрела грудь земную пред отданием:
Завздымалась —
Ожила она хладеющим дыханием.

Страхи сердца,
Друг, откинь! Вздохнем осеннюю усладю...
Скрипнув дверцей,
Пропадем в плодовой куще за оградю...

О, как юн ты
Под своей широкополой белой шляпою!

Бархат грунта,
Берегись, я спелым дождиком окапаю!

Плод повиснет
На мгновенье пред паденьем в синем холоде,
Рот твой стиснет
Губы алые мои в последнем голоде.

Летним раем
Насладимся же в канун зимы победнее!
Друг, узнаем —
Вкусим, вкусим наше счастье... о, последнее.

Сентябрь 1907

10. УСПЕНИЕ

День завершился пурпурно-тепел.
Но уж заутра, скорей, чем луг
Росы причастье с молитвой допил,
Земля почила. Во сне, без мук.

И я бежала холодной ранью,
Ломая руки, стена во мгле,
Чтоб долг посмертный – любви лобзанье
Отдать недвижной, немой земле.

Со мною вместе, по горю брата,

Неслись стрекозы и стаи птиц.
Но снежный Вестник раскрыл объятия...
Дошла одна я. И пала ниц.

Не слышу в молочной груди биения!
Не чую в щедрой утробе сил!
Увы! Свершилось. До Воскресенья
Над ней парчовый покров почил.

Восхитил душу полей Бог мира
В свой голубой, необъятный Дом...
А я над прахом излила миро,
О вечных веснах пропев псалом.

Сентябрь 1907

11. ПОСВЯЩАЕТСЯ Р.С.

Тихим снегом, белым снегом упадают дни.
В старом доме, в вещи дреме мы – одни.

У камина, где рубины, наклонилась я.
Подле окон изнемог он, ввысь глядя.
В горнем шелке грез иголкой нанизал он звезд,
Называет и считает: Лира, Крест...

Я кончаю – вышиваю Богу дар невест,
Между пальцев, сверху пяльцев – много звезд...

И прилежно белоснежный закружен узор.
Звучно-четок звездных четок перебор.

Нашей страстью, нашим счастьем стала Тишина,
А работой – для киота пелена.

Сентябрь 1907

12. ИЗГНАННИКИ

Стоим, изгнанники из рая,
Во зраках – ужас и печаль:
Стена воздвиглась снеговая
И заперла святую даль.

В твоих кудрях полнощных – иней.
О муж! Ты с горя поседел...
А холод тенью бледно-синей
Нагие чресла нам одел.

Метельный меч изъяв из ножен,
Обрек нас зима херувим.
Уж путь возвратный невозможен.
Бежим скорей, бежим, бежим!

В дремучей снеговой берлоге
Мы будем знать лишь труд да сон...

Быть может, суд смягчится строгий
Чередователя Времен, —

Почиет луч на наших жертвах,
Цвет возрастет у наших ног,
И, воскрешенные из мертвых,
Мы внидем в вешний свой чертог!

Как ложе брака пред четою,
Прострутся злачные поля,
И утро бытия шестое
Вспомянет древняя Земля.

2 февраля 1908

ЗИМА

1

Кручу, тяну я снежный лен,
Пряду, пряду свой зимний сон,
А окна застит белый лет —
То снег идет, то снег идет...
Кружись,
Веретено!
Снежись,
Земное дно!
Виется мысль, прядя любовь,
Шумит, бежит, кружится кровь —
И сопряжен лик зимы светлей,
И скручен вихрь золотых кудрей...
Кружись,
Девичья кровь!
Спрядись,
Моя любовь!
Кручу, тяну я снежный сон,
А очи застит зимний лен,
И тише мыслей белый лет —
Любовь идет, любовь идет.

7 ноября 1907

2. СНЕГ

С неба звезды серебристые
Тихо падают,
Ослепляющие, льдистые
Сердце радуют.
Юность, ставши седокурою,
Улыбается.
Взору взор под снежной пудрою
Обещается...

Звезды, звезды пророненные,
Вы разгаданы:
Роза, крест и меч с короною,
Горстка ладана.

Все-то жизни снежной схемою
Мне рассказаны!
А моя какой эмблемою
Здесь завязана.

Вейся, вейся, неба кружево,
Тайн сплетением
И тоску обезоруживай
Откровением!

За звездой звезда мне дарится
Мглою случайною,
И румяный лик мой старится
Снежной тайною.

Ноябрь 1906

3. ИНЕЙ

Руки нежные, холодные
Обвязали сад гипюром,
Загасили искры водные
Белым, цепким абажуром.

Бархатистыми помпонами
Обстрочился край забора,
И под снежными попонами
Скамьи спрятаны от взора.
Пряжей трепаной бумажною
Виснут нити телефона,
Осыпает галка важная
Бусы с горестного клена.

Сердце тихое, бесстрастное,
Ты, как сад, оделось в иней,
Неживое, но прекрасное —
Грот лучисто-льדיстых линий.

Ноябрь 1906

4. НА ЛЫЖАХ

Пустынные, белые степи
Измерит
Мой легкий уверенный бег...
Я – в инейном крепе.
Дух верит
Во Встречу навек.

Я – снежного бога невеста.
Блуждаю
За ним, за моим Женихом.
Всё с места на место —
Я знаю,
Друг друга найдем.

Мои окрыленные лыжи
Летают
В священно-глубоких снегах,
А лис пушно-рыжий
Сметает
Следы в серебрах...

Вот – легкого тела походка,
Как танец,

Сминала здесь бархатный склон!
А златобородка,
Румянец —
Далеко!.. То – он.

Несутся за лыжами лыжи —
Погнули
Серебряно-матовый снег.
Я ближе... Всё ближе...
Дойду ли?
За счастьем мой бег!

10 ноября 1907

5. ПЛЯСОВАЯ МЕТЕЛИЦА

Раскружитесь, вьюги, пляской!
И, опаливая,
Розовите ледяной лаской
Щеки палевые!

Сдвину, скину я засовы
Бело-липовые,
И спадет замок суровый,
Злобно всхлипывая.

Вырываюсь за ворота
Я приплясывая...

Гореванья и заботы —
Вас отбрасываю!

Вышел срок осенней тризне,
И пришелицею
Вьюсь я в жизни, в жизни, в жизни —
Под метелицею!

Мех мой жгучий, мех соболий,
Заалмазивайся!
Смех мой, инеем на поле
Ты завязывайся!

Кто там быстрый златоусый
Останавливает?
Голубой рукав бурнуса
Вдруг улавливает?

О зима! Не мой жених ли —
Тень изменчивая?!
Вихри, вихри, что ж вы стихли?
Я — застенчивая...

9 ноября 1907

6. С ГОР

Перламутром на поляне горы льдяные.

Синим утром кверху сани тяну, тяну я.
Сладок иней жадной груди! Крепну силою...
На вершине. – Люди, люди, вас забыла я! —
В шири, дали, льды, снеговья сердце кинула,
От печали за любовью санки двинула...
Вновь буран!
Великан
Легконог
Меня настиг,
У салазок плюш
Обмял,
В голубую глушь
Помчал,
Вдруг приблизил чудный лик:
Это бог...
Приседают, словно бабы, вехи пьяные.
Колыхают нас ухабы разлитые...
– Летом жданный, данный вьюгой, поцелуемся...
Сквозь туманы друг на друга налюбуюсь... —
Как он быстр,
Златоус!
Мне нагреб
Алмазных бус,
Льдяных искр!
Жаркой вьюгой друг
Мне пел
И вертел, летел, летел...
Вдруг —
В сугроб.

13 ноября 1907

7. СНЕЖНОЕ ЧУЧЕЛО

Алмазами дарят нас зимы...

До алых ветрянок заката
Блестящие хрупкие камни
Сгребала я жадной лопатой —
И чудо явила рука мне:

Создался мой давний Любимый!

Час сумрака стынул багряным.

Уж звали незванные люди —
Ведь мокры мои рукавицы,
Пора позабыть мне о чуде
И с чучелом снежным проститься...

Но он наказал их бураном!

Я ж, дева, прозрела в нем бога:

Метельный разыскрился локон,
Глаза его – льды голубые,
Как вихорь, высок и жесток он.

Хохочут черты снеговые!
Назад замелась мне дорога...

Утихнул – уснул мой Любимый.

Обняв ледяные колени,
Я сплю, замерзая, ликуя...
Мы оба во власти видений
Предсмертного сна – поцелуя.

Восторгами дарят нас зимы...

15 ноября 1907

8. СНЕГУР

Сладко спит снегур прослеженный,
И на лик его оснеженный
Я смотрю,
Наклонясь,
Восхитясь —

Весь морозной ковки латами
Серебряно-розоватыми
Облечен.
И султан
Взвил буран.

В золотом кудрявом инее
Тонут щек снеговых линии,
Только рот
Пылом грез
Бледно-роз.

Спит, ослабив руки белые.
Обвила руками тело я...
О снегур!
Не растай —
Близок май!
Ты попомнишь дни метельные
И улыбки карусельные,
Что с ума
Посвели
Дочь земли!

Чутко спит снегур разнеженный,
Я лобзаю лик оснеженный —
Смех промчал
По чертам.
Быть снегам!

19 ноября 1907

9. БРАК

Обвенчались мы. И покидаем

Черный город для снегов.
Лик мой под веселым горностаем
Юн. Румян. Суров.

Мой супруг – в сугробе белой шапки,
На щеках – ледяный мат.
Лыжи мы с собой несем в охапке.
Все на нас глядят.

Минуты вы, крепкие заставы!
Нам открыт желанный путь!
Мчимся, мчимся... Вправо, влево, вправо...
Мчимся – не вернуть!

О, товарищ в зимовом скитаньи!
О, возлюбленный Снегур!
Я несусь пугливой, верной ланью,
Ты летишь, как тур!

К горизонту – леса розовенье...
О, как ты далек – ты мог.
Вот лицом назад. Ко мне движение —
Трубишь в зычный рог:

– Слы-шишь ли, подру-га, не за-бы-ла?..
Мы туда-туда идем... —
– Как не слы-шать, как за-быть, о ми-лый, —
Там наш брачный дом! —

19 ноября 1907

10. ВИХРЬ

Как колюч, как могуч этот вихрь, о снегур!
О, не мучь... Пожалей... И не бей... Чур же, чур!

Злобой жжет синий лед глаз твоих. Как ты мог!
Оглянись – постыдись: это люди. Ты – бог.

Что мне взор, разговор смуглоликих мужчин!
Среди них ты любим, витязь зим, ты один...

Если б ты только знал, как устал их порыв! —
Ты, что юн, как бурун, ты бы не был ревнив,

Перестал б настигать и стегать белый жгут.
Но люблю – муки длю: муки счастием жгут.

21 ноября 1907

11

О земля, меня ты можешь оправдать и осудить...
Я не знала, как мне быть – его любить иль не любить?
Я носила долгий траур по тебе – осенний креп,

Я служила панихиды, посещала снежный склеп,
Я приглаживала кудри, разлюбила зеркала,
Молодое, злое сердце черной схимой облекла.
Было свято, было сонно в келье горестной моей
Между воздухов, лампадок, мудрецов и псалтирей.
И страница за страницей испускала кроткий вздох...
И венок веселий летних на распятыи черном сох...
Что ж меня не сохранили Блок, Платон и Соломон
И таинственные лики ожемчуженных икон?
Отчего я услышала скрип муаровых снегов?
Отчего вдруг показался мне весь мир блажен и нов?
Отчего нашла я шубку, не замедлясь ни на миг?
Отчего не испугалась, как меня Жених настиг?..
Оттого, что я любила. Оттого, что то – был Он.
Верно, ты, земля, уснула – спишь... и вижу я твой сон...

22 ноября 1907

ЗЕМНЫЕ ОБРЯДЫ

1. КРЕСТИНЫ

Дорогой матери

Вдруг весна на север ликом
Обернулась.
И земля с победным кликом
Окунулась
В живоносную купель,
Смыла зимнюю кудель.

Ожелтелись первоцветом
Все ложбины,
Облились водой и светом, —
То крестины
Над землей весна справляла.
Стало зелено и тало...

Солнце-пастырь освятило
Чан озерка,
И пушились верб кропила,
Спав с пригорка.
Лучик осенял крестом

Ветви с будущим листом.

В дол просторный осветленный
От избенок
Нежный, тихий несмысленный
Шел ребенок,
Ножкой качкой розоватой
Попирал травины ската.
И, задрав подол свой белый,
Прыгнул в воды —
Гольй, радостный и смелый
Сын природы!
Окроплялся блеском брызг
Под немолчный птичий писк.

Голубое полотенце
Высь спустила,
К бытию земля младенца
Окрестила, —
И дитятя несмысленный
Улыбался умиленно.

Июль 1907

2. СВАДЬБА

Лето в поемных лугах закрутилось зеленой метелью.
В копны валилась трава... и стелилась любовной

постелью...

Встала она перед очи его на всю пору покоса.
В алой паневе. Стыдливая. Ржано-душистые косы.

Хлещет ли лезвием метким он клевер и дрему,
Чует за влажной спиною девичьего смеха истому.

Станет ли светлую луку о камень с усердием цокать,
Сбоку мелькает упругий из золота отлитый локоть.

На воз ли сено к нему воздымают трезубые вилы,
Вверх запрокинутый взор ее вяжет горячие силы...

Вечер. Земля прилегла на плечо к Жениху золотому.
Девы, смеясь, унеслись по колючей отаве к парому.

Только одна, как травина косою (откинута грабли!),
Свалена ласкою рук мускулистых. И слезы ослабли...
Персям нагим огневым сладко мяться сырыми
кудрями...
Ложница трав... тишина... и зарницы священное
пламя...

Верные кольца обьятий и уст беззаветных обеты
Сменены, сказаны – их обвенчало великое Лето.

Сладкие сны новобрачным пропойте же, о коростели!
Да опочиют в блаженстве на влажной, зеленой постели!

Январь 1908

3. ПОХОРОНЫ

Властно осень взмахнула серпом золотым
Над деревней, —
И склонился пред жребием смертным своим
Пахарь древний.

Напоследок труды земляные следил
Оком сына,
А над дедом столетним подсолнечник бдил
Из-за тына.

Люди шли – расхищали сады и поля
С жадным спором,
И знобилась, червивилась, чахла земля
Смертным мором.

А когда серп холодный упал и пресек
Жизнь земную,
В необъятном урочище скрыл первый снег
Персть родную.

Закадили метели, запели ветра,
Певчим вторя,
И насыпалась белой могилы гора

В кругозоре.

Месяц-схимник шептал, мертвецов осеня:

– Это сны лишь... —

И, как эхо, шептали нови зелены:

– До весны лишь... —

Сентябрь 1907

ДНИ

1. ПОНЕДЕЛЬНИК

Первые будни томительно борются
С сказочно-праздничным радостным прошлым,
Жизнь повседневная рвется, не спорится, —
Мнится безвременьем горьким и пошлым...

Робкая горница. Пяльцы раскрытые,
Камней поддельных опал, халцедоны,
Нити, блестящей змеею извитые,
Золотошвея со взором Мадонны...

О, эти косы, что скорбно закручены!
Были когда-то на вас фероньеры...
О, эти пальцы, что к иглам приучены!
Вас целовали, как крест, кавалеры...

Флот величавый в залив, ветром сборчатый,
Тихо причалил, взмывая рубины,
Им ты невестой в вуали узорчатой
Привезена голубому дофину...

Громкие гимны... Фонтаны под арками...

Трубы глашатаев в тканых костюмах...

.....

Склонен божественный лик над огарками,
Праздники в прошлом. В кружащихся думах.

Февраль 1907

2. ВТОРНИК

Как поток равномерный, течет

День заботы.

Каждый час срочным валом встает

Для работы.

Солнце, шествуя, нижет дела чередой —

Рыть картофель, идти за водой.

Громогласно зовет петух

Красноперый,

Заглушая двух древних старух

Переспоры,

А дитя белокурое, вскинув подол,

Гонит телку в лазоревый дол.

У колодезя дева холсты

Полоскает —

Выжимает пунцовой рукою жгуты,

Расстилат.

Улыбнется, когда солнцевающий таз

Ослепит ее выпуклый глаз.

Дождик жалит хрустальной осой
Лист в осине,
Дева вязнет ногою босой
В сочной глине.
Люди, твари бегут с огорода и нив.
В мерном дне настает перерыв.

Февраль 1907

3. СРЕДА

Мотылек недолговечный, он опять возник —
Этот краткий междудневный беззаботный миг.

Желтый мяч взлетает к небу – раз, два, три – туда!
Желтый град роняет солнце в ясный сквер – сюда.
В пелеринках, в алых фесках дети водят круг.
В иммортелях и тюльпанах у беседки луг.

Над цветком жужжит игриво светлых мушек хор.
Над ребенком виснет строгий гувернантки взор.

Мальчик злой в чулках коротких – в стороне. Сердит.
В липах, шаром остриженных, пыль густая спит.

Плавно белая коляска провезла себе...

Гувернантка грустно мыслит о своей судьбе.

Дети шумною игрою сбились в ураган.
Под внезапным ураганом помертвел тюльпан.

Но буяны вмиг зажаты властной рукой —
Дева грозным полководцем их ведет домой.

Ветер. Липы опустились в нежный реверанс,
На песке смешало солнце золотой пасьянс,

И упала кружевами голубая тень —
Он уж умер, легкокрылый, беззаботный день!

Февраль 1907

4. ЧЕТВЕРГ

Златым календарем столицы
Он явлен – суетный четверг.
У окон – женщин вереницы.
В окне считает хмурый клерк.

Шумит рабочее безделье,
Пенится делом суета,
И скукою цветет веселье,
И вожделением – мечта.
Реклам сверкающих плакаты

Сплели над городом венец.
В витринах, в мыслях копят золото
Для узких девичьих колец.

И притянулись взором вора
К ним злые женские глаза.
Гласит, кричит их выбор скорый:
За нас – сапфир и бирюза!

Свершилась мена. Треплют кони
В ночных огнях шальную шаль,
Страшась карающей погони,
Что шлют им утро и печаль.

Как чаша горестных похмелий,
Он выпит – пламенный четверг!
Мятежный пасынок недели,
Что четкий стук часов отверг.

Февраль 1907

5. ПЯТНИЦА

Пятница смирная
Встала у входа,
Как богомолица —
Сборщица в храмы.
В солнышке – клирная

Сень небосвода...
В окнах неволятся
Тусклые рамы,
В доме натоплено —
В весну нет веры.
Пахнет просфорками,
Маслом, изюмом —
На пост прикоплено
Сверх всякой меры
Людьми зоркими
С ликом угрюмым.
Шепчутся, каются
В горестной вере...
В звездах – эфирная
Хижина Бога.
С тьмою сливается
Плач повечерий.
Пятница смиренная
Сходит с порога.

Февраль 1907

6. СУББОТА

Архангелы, святители,
Пророки и учителя —
Святого рая жители
В субботний тихий час

Устами умиленными
И трубами червленными
Над весями зелеными
Вещают Божий глас.

И колокольня древняя
Над смирною деревнею
Всё чаще, всё напевнее
Вздывает медный зык.
Меж звездами – стожарами,
За куполами старыми
С размерными ударами
Поет незримый лик.

А в храме облак носится,
Блистают дароносицы,
Хоралом громким просится
О милости земле...
Бог-Саваоф со свитою,
Угодники очитые,
Их письма развитые
Парят в душистой мгле.

Направо – мужи рунные,
Налево – жены юные,
А сзади сребролунные
Старухи, старики,
Десной святой пасомые,
Твердят псалмы знакомые,

Склоняются с утомою,
Заветами крепки.

А в сини, за часовнею,
Таинственной жаровнею
Всё пламенней, любовнее
Возносится костер.
И ангел снежной глыбою
Над девой-полурыбою —
Русалкою-улыбою
Воскрылия простер.

Февраль 1907

7. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Праздник, здравствуй! Встань и властвуй
Над седмицею недели!
Круг свершился. Труд излился.
Силы к радости созрели.
Старый, юный тронут струны
Смеха, песен и веселий...

Высю синей бел, как иней,
Голубь плещет, плещет... Канет.
Веет ветер. Вьется сеттер
За стрекозами... Устанет.
Звон раздольный, колокольный

Льется, бьется, манит – манит...

Белой стаей, в тенях тая,
Пляшут девы под дубами.
Платья – пеной. И с вербеной —
Косы желтые, как пламя.
А на танцы смотрят старцы
И кивают головами.

Пали тени на ступени.
Дрогнул в небе бубен звездный.
Лепет арфы... Трепет шарфа...
Шепот легкий и любезный...
И ракета – колос света
Закачала в черни бездны...

В позднем парке вянут арки
Из торжественного хмеля.
В светлой ночи – всё короче
Взмах покинутых качелей.
Воскресенье – уж в забвеньи.
Встала новая неделя.

Февраль 1907

8. ПАЛОМНИКИ

Брату

С тобой мы вместе, о брат любимый,
В святое утро Преполовения,
Единой жаждой чудес томимы,
Пошли к Святыне на поклонение.

Вот миновали теснины улиц,
Вот позабыли тропинки людные —
И слух лобзает нам лепет горлиц,
Взор улыбает даль изумрудная...

Но здесь, в просторах, наш путь распался:
Ты взреял к тучам. Пошла я землями.
Весь белый в сини ты затерялся...
В тот миг расстались с тобой совсем ли мы?

Нет! С этой ветвью от слез тяжелой
Я, как и ты же, земли паломница —
Моею кровью с подошвы голый
Путь во святые места запомнится.

Бреду, бреду я... Порой твой голос
Меня окликнет с мольбой негромкою,
И, отстранивши янтарный колос,
Махну тебе я своей котомкою.

Пусть мы различных дорог скитальцы,
Не утрашусь я их отдаления!
В руке я чую родные пальцы,

И сердцу вторит твое биение.

О, брат мой милый! О, дальнеблизкий!
Поверь мне, встречу тебя в пространстве я,
И в дальней Двери – в лучистом диске —
Сойдутся тропы святого странствия.

8 сентября 1907

РУСЬ

Борису Зайцеву

Я отрясаю твой прах, о город!
От горсти камней умчусь в страну,
Где жжет великий славянский холод,
Где в снегодольях я затону...
Восток, и запад, и юг, и север,
И путь, и небо – всё, всё бело,
Лишь розовеет деревьев веер,
Лишь голубеет озер стекло.
Берлоги – пущи – холмы – селенья,
Юнак румяный и рыжий лис
Встают в мгновенье... лишь на мгновенье...
И пролетают... и унеслись...
Зажаты вожжи рукой могучей,
Развился кнут мой в нещадный взмах —
И закатился возок летучий

В душистых сеном, цветных коврах...
Расторглись цепи бывшего плена!
И, белый, в белом пропал мой конь.
Всё глубже, глубже, в Русь – по колена!
Дух занимает ветров огонь!
Простор выюжится, поет и плачет,
И щиплет смехом, и стелет грусть...
А конь играет – играет, скачет.
О гибель в шири! Я сгину – пусть!..

Престольный праздник. Село гуляет.
Веселье пляшет во мгле пустынь.
Визжат запевы, собаки лают —
Дух буйств взметнулся высоко, в синь.
В затоне сонном, где тлеет прорубь,
Кружат, топочут – там хоровод.
И, вспугнут, кружит над кругом голубь,
Под кругом бьется хрустальный лед.
Одежд зеленых и алых складки
Вихрь плясовицы вскрутил, раздул...
Как беззаветен разлет присядки!
Как ненасытен сердец разгул!
И так протяжно – гульливо – важно
Поет гармонии мятежный зов...
И давит мышцы прилив отважный!
И мысль бунтует в хмелю голов!

К ночи исходит слезой веселье...
Замучат звезды подснежный мир,

Узнает каждый души похмелье —
Тогда откроет врата трактир.
И снова выпьют. И снова пляшут
Под трепет стекол и половиц,
Как дети, плачут, руками машут,
Прощенья просят, упавши ниц.
Иль, спрятав кудри на женской груди,
Целуют, шепчут... О чем, о чем?
Как убаюкать тоску о чуде
Горячим, алым, лукавым ртом?!

А с гневной церкви зовут к вечерне.
Там слез лампы нальет канон —
Там зарыдают еще безмерней,
За грех хотенья кладя поклон.
И бунт великий вдруг умирает...
И тишь спадает, и снег – окрест.
Лишь где-то дикий призыв играет,
Запорошенных страша невест.
Луна голубит из-за околиц
В снеговой люльке сон горемык
Да запоздалой из богомолиц
Строгоочитый прекрасный лик...

Как ты богата, страна родная!
Алмазов россыпь – твой кругозор,
В ковше метельном не вижу дна я,
Как сечь оружием, певуч простор!
Как ты богата безбрежным гиком

И дробным метом шальных подков,
Горюньей-песней, кудрявым ликом, —
Раскатом жизни твоих сынов!
И велика ты, страна родная —
Сугробных далей и ширей Весь...
Ты, город белой поллой сметая,
Царишь и правишь и там, и здесь.
И велика ты сыновней жаждой
В безмерных грезах Судьбу постичь! —
Взлететь ли – сгибнуть... Однажды, дважды...
Иль жизнь исхлещет терзанья бич!

Ни с места, конь мой. Родимой шири
Меня вернул ты. В ней кану я...
И прочитаю в ее псалтири
Строки завета, что для меня.
На белой пашне став на колени,
Концам отчизны я поклонюсь.
Жизнь – душу – каплю меж поколений
В тебя вливаю... Прими, о Русь!

24–28 ноября 1907

РАЙ

Милые мои... Поклонитесь земле.
Андрей Белый

О, солнце! о, простор! о, высота степеней!
Валерий Брюсов

Город – царство, деревня – рай.
Пословица

Посвящается Андрею Белому

1

Утра, и дни, и вечера, и ночи, —
Быть может, долгие и долгие года
Я шла от городов – сосредоточий
Людей и золота, болезней и труда.
Плясали лоскуты моей одежды,
И волочился шлейф, когда-то голубой...
Искала рай. Как шелк, рвались надежды! —
Всё призрак яростный я зрела за собой.
Взгляд вспять – и колокольни, башни, трубы,
Как обгорелый лес на алых небесах!
Мне чудились соближенные губы
И кулаки, и даже стрелки на часах!
Вот склеп для тел бессильных – фермы, стекла!
Вот бельма безрассветной ночи – фонари!
Остолбенеv, я стынула и мокла,
Бездомный взор оковывал мираж зари.

А толпы вились по большой дороге,
Глумясь над нищенкой в изорванных шелках —
Уверенно мелькали мимо ноги
В тяжелых башмаках, в малиновых чулках.
Брели старухи с серыми холстами,
Где немудреные расшились петушки,
Шли кустари, тая под берестами
Расцветную посуду, ложки и коньки,
Крестьянки юные бежали с розой,
С кувшином глиняным... Ждут жертвы города!
И облаки зеленые – обозы,
Кренясь размеренно, ползли туда, туда...
Назад опустошенные телеги
Гремели, бешенством людей заражены,
И юноши в преступной, пьяной неге
Дремали – повторяли огненные сны,
Клюка старух горбатилась плачевней,
А девушки не возвращались уж назад...
Оскудевали житницы деревни —
Всё поглощали пасти каменных громад!

И шла я вновь утра, и дни, и ночи, —
Быть может, долгие и долгие года...
Плясала тень когда-то синих ключей,
Сандалии топила талая вода.

И выплывали давние виденья:
Страна обильных пастбищ, рек и тучных нив,
Во мху соломоверхие селенья,

Смолистых, прелых дуновений перелив...
В часы горючих солнечных пригревов —
Чреда веселых и разымчивых работ,
Разброс и холя голубых посевов
И летов мерный и безбольный оборот.
По вечерам – служения на взгорьях,
Где гулкий ключ украли золотá люцерн,
Четы любовников на цветоморьях,
Забавы дев и отроков – что пляска серн!
И Бог – огромный, вмирный, изобильный
И близкий, как земля, и дальний, как лазурь...
То – Пахарь с бороною сребропыльной,
То – голубой Орел – Творец вселенских бурь!

Так шла я ночью светоносной, вешней,
Теряя в ней, неверно-светлой, узкий путь...
Я помню топь, высокие скворешни
И кочку, где пришлось мне глубоко заснуть.
И небо наклонилось надо мною,
Как древнее голубоокое Лицо,
А тело слилось с грудью земляною,
Разжавши рук ее морщинистых кольцо.

2

Утро зареет. Веди меня, посох!..
Что это?! Волны – машинные ль гулы?

Сизые дымы – дубравы ли в росах?..
В страхе упала я, вежды сомкнула —
Длю мимолетной возможности счастье...
Раз еще глянуть – восторг свой нарушить!
Стану же сны вожделенные пряться я,
Дева незрячая – буду я слушать!

Слышу я щекот в трепещущих чашах,
Где-то так близко... и где-то высоко...
Слышу я пчел, возле уха жужжащих,
В недрах глубоко – вздыханья истока...
Пью аромат плодоносный и щедрый
Ила болотного, млеющей гнили,
Жаркой смолы из расщелины кедра,
Запах утомный фиалковой пыли...
Солнца персты с беззаветной любовью,
Чую, простерлись на лик мой и шею!..
Рай свой узрела... И льну к изголовью —
Яви блаженной поверить не смею!

Вдруг расплескались вокруг меня стебли,
Бисер росяный на щеки стал капать —
Воздух размеренным шорхом колебля,
Травами несся стремительный лапоть.
Ближе... всё ближе... Встал подле. И кто-то,
Веющий смолами, хвоей и листом,
Сотом душистым и потом землистым,
Стан принагнул с древле-отчей заботой.
Обнял. И мощь воздымающей длани

Радость великую телу вернула.
Жадно вздохнула я, жадно взглянула:

Синее! желтое! Смерчи сияний!
Сени садов позабытых, знакомых!
Солнце – свободное солнце – так близко!..
В белых лучах самоцветных черемух —
Ласковый облик, подобие диска:
Древний, округлый, коричнево-темный,
В светлых улыбках, в морщинах мудреных,
В росах червленых, в травинах зеленых —
Дед буреломный, Титан черноземный!
Мох серебристо-курчавый клоками
Сполз с головы на дремучие брови,
Серым руном завился над устами,
Что разомкнулись в улыбчивом зове.
А на таинственном, мшистом обличьи
Светят – сияют чудесные очи,
Синие-синие, круглые, птичьи,
Звезды кристаллов, цветений и ночи.
Очи – как зрак бирюзовый дитяти!
Очи – как окна в лазурное небо!

Старец смеялся. Не скинув объятий,
Подав мне ломоть пшеничного хлеба.
– Странная дева, вкуси же и выпей. —
Склонен кувшинчик из тыквы долбленной,
Струи медовой живительной кипи
Тихо лиются в мой рот истомленный...

За мановением властной десницы
Робко ступила я, мох попирая...
Дрогнув, безветренны стали ресницы —
Очи узрели святилище рая!
Здравствуй, земля, залитая с краями
Ярым, пахучим, блаженным простором!

Машет весна золотыми крылами
По чернолесьям, излогам и горам.
Древний ключарь целины заповедной
Мною в путине далекой предводит,
Никнет как странник, как дух колобродит,
Звонко поет образок его медный,
Прыгает хлеб златогорбый в котомке,
Веются складки одежды холщовой...
Мудро ведусь я тропинкою ломкой,
Быстро скрываюсь я далью лиловой...

Старец в трясинах плывучих зеленых
Травы целебные ищет и копит,
Аистов розовых, вяло-влюбленных,
Ухая, прыгая, гонит, торопит:
— Вейте ж гнездо новобрачных веселий! —
Сам западает в лугах цветодонных...
В белой, живой мотыльковой метели
Кружит с восторгом в очах умиленных.
Любы ему сладострастные пляски!
Бабочек, ящериц, ласточек ласки!
Мне ли не кануть в движеньи и шуме!?

Травы и твари меня полонили.
Он же, как царь их влюбленных безумий,
Поднят на щит ослепительных крылий!..

Вот уж понесся над жаркою новью
Бело-огромною градовой тучей...
К глыбам земли чернорунной, пахучей
Гнется с тревогой, с веленьем, с любовью.
Хмурится. Жмурится. Мерит и рыхлит
Жадные чрева распоротых борозд...
Ветер обнялся с ним – поднял и вихрит
В пущу зеленую, в папортник, в хворост!
Серокудрявый, руками махая,
Вьется пустынный, как вещая птица,
Дрем буреломный ногой попирая,
Трелит, кукует, морочит – резвится!
За дребезжащим ребячливым смехом,
Шорхом и эхом я мчусь, задыхаясь,
Путь узнаю по раскачанным вехам,
Веткой настигнута, гнусь, спотыкаюсь...

Силы покинули. Пала на землю...
Захороводили пихты и сосны!
Ропоту, рокоту, клетоту внемлю
В ветреной выси, под почвою косной...
И устыдилась я. Или тяжка мне
Мощь непомерная земного лона?
Иль уж измолота жерновом камней
Юная сила для ноши зеленой?..

Кинулась – мчалась – смеялась – догнала
Деда лесного в кудели серебряной!
Скорчился – ждет посредине поляны,
Вздыбил в волосьях венки сизо-алый.
За руки взялись. И в зелени скиний
Старец расплакался древнею песней
О распрекрасной пустыне – раине...

Глушь становилась дырявей, небесней...
В куполе синем вдруг холм закруглился
Малый, пологий, издавна знакомый...
Старец сиял, лепетал, суетился.
– Девушка, дома мы... Милая, дома...
Тихо склонилась я земным поклоном.
Он же указывал тропы и кущи,
Пчельные кельи по клеверным склонам,
Хижину – храмину в сени цветущей.
Стадо ярилось у сочных подгорий.
Кто-то с нагим ослепительным телом
Пас на коне неустойчивом, белом.
Старый поведал: – То сын мой, Егорий. —

Шли среди хорала блаженных мычаний
Тварей с рудой и беясою шерстью,
Пахло млеком, вождеющей перстью,
Недра гудели от пылких играний.
Даль ширины голубой еле видной
Вдруг за клубилась блистающим прахом —
Юноша голый, блаженно-бесстыдный

Спрыгнул на землю стремительным махом.
Словно Давид молодой и мятежный,
Встал в отдалении – глядит исподлобья,
Зрак полудикий, и меткий, и нежный
Мечет в меня златолучные копыя.
Солнца создание! С торсом каленым,
С обручем локонов, в латах загара!..
К груди прижав, любопытным, смущенным
Властно ко мне притянул его старый.
– Дай же, о Юр, этой деве лобзанье!
Да наречется твоею подругой! —
Близится рот розовато-упругий...
Мяты дыханье... Немое касанье...

Смотрит он в страхе на стан несвободный,
На ноги в вервях, кровью пунцовых —
Новой земли человек первородный,
Он позабыл о бывалых оковах!
Вдруг неотвратному гневу подвластный,
Жалкой одежды моей он коснулся —
Рвал и нисбрасывал, прыгал и гнулся,
Жажда явления правды прекрасной.
Вот заблестало нагое колено...
Вот заиграли упругие связки:
Алые токи... лазурные вены...

Тело возникло из сорванной маски!

Похоронились в травинах лохмотья.

Пару тяжелых, жестоких сандалий
Волны потока в безвестность умчали.
Миру вернула неложную плоть я!
Ветру – летучие черные косы,
Земли – хмельное могучее тело,
Небу – очей зеленеющих росы,
Юноше – помысл невинный и смелый!

.....

День золотым фимиамом вознесся.
Зашелестели созвездий обеты.
Верной дорогой – на тенях колоссы —
Стад и людей повлеклись силуэты.
Старец смиренным шептаньем молился,
Юр бытие славословил свирелью...
Путь по отлогам пленительным вился
К месту покоя, молитв и веселья.
Зрела я кущи, гвоздик ароматней,
Гнула к колодезям, снега студеней,
К светлым Плеядам неслись голубятни,
К травам сверкающим ластились тони...

Вечеровые свершили работы:
В цветах исчислили к утру бутоны,
Кликнули птиц прирученных с улета,
Лунной поры проследили уроны.
На ночь проверили ульи и верши.
Хлевы замкнули. И, думой объаты,
К весям земли, в сновиденьях замершей,
Взор обратили мы с гордого ската.

Старец лазурным недремлющим оком
Запад испытывал, вея сказанья.
Юноша, звездным разнежась востоком,
Из полусна расточал мне лобзанья.

– Рай насади Господь Бог во Эдеме. —

Ночь олучали сребристые космы —
Вещий старик воздымался из теми...
Тихо дрожали от счастья и рос мы...

– Были Адам и жена его наги
И не стыдились. —

Глаза голубые
Нас отражали в смеющейся влаге.
Чуяла ласку душистой губы я...
И забывала я сон свой позорный —
(Может быть, была невозможную ныне?)
Город, как уголь, то алый, то черный
От мятежей, преступлений, уныний.
Он потонул за кровавым закатом!
Я же вернулась к извечной отчизне,
Где благовестит над радостным скатом
Старческий клекот о дереве жизни.

И засияли дни, утра и ночи,
Как звезды верные: угаснут – встанут вновь.
На них открылись сердце, уши, очи...
И утро было песнь, день – труд, а ночь – любовь.
Я нежно вовлекалась в круг священный
Великого приземляного бытия,
Сосуды полня влагой млечно-пенной
Или кудель в серебряные мотки вия.
Старик учил меня по лику неба
Предугадывать судьбу заутрашнего дня,
Служить Отцу смиренной, вольной требой
И пляской стройной у закатного огня.
Учил, не руша восковой скорлупки,
Из ульев вынимать янтарные соты,
Распевом заклинать у змей враждебных рты
И плеть венков пьянительный и хрупкий.
Пастух поведал мне, как свистом трельным
Из куп листвяных вызывать веселых птах,
Как на коне носиться беседелном,
Как при посевах соблюдать размерный взмах,
Как звать дудой баранов круторогих
И сберегать от гроз пугливый их приплод,
И как в восторгах пламенных и строгих
Встречать и праздновать божественный восход.

О радость утр росяных и медовых,
Когда пучины вод, лазури и земли
Объемлет солнце в золотых уловах!
Пригоршней сморщенной черпая хрустали,
К кринице старец, умываясь, гнется,
А после – жрец полей – взирая на восток,
Вздывает руки, шепчет и смеется...
Как сладостно, хладя стопы бегучих ног,
Свирельной песней иль гортанным кликом
В излоги увлекать веселые стада
И, подражая им, в восторге диком
Дышать, ласкаться, есть, мечась туда, сюда!..

А миг полуденный на солнцепеке...
В колосьях колких утаилися тела —
Друг к другу льнут наги, истомнооки...
Земля их пламенным крещеньем соприжгла!
И в вековом соблазне поцелуя
Катятся ягоды, сочась, из уст в уста...
А дед-ключарь окрест бредет кукуя —
Обходит, сторожит священные места.

И ночи... Каплют звезды чрез солому.
На мягких связках трав, душистых и сухих,
Мы обнялись, привеивая дрему...
В углу старик поет старинный тихий стих.
В закуте сонно возятся ягнята...
Как жарко дышит спящий юноша-супруг!
Мои ж глаза видением разжаты:

Слежу я мыслью стройно-сопряженный круг
Златых земель божественной вселенной,
А в круге – круг времен, творений и судеб...
И в каждой жизни долгой и мгновенной,
В пригоршне праха и в громадах грузных скреп,
В рудах слепых и в молниях случайных,
В дыханьях радостных и в мудрых тайнах
Мне зрится старчее единое Лицо,
Мной ощущается безмерных рук кольцо!
Седин священных облачные пряди
Опутали личинки огненных земель,
Легли персты – морщинистые кряжи,
Вдавились стопы – океанная купель.
И синее всевидящее Око
Лазурью трав, морей, небес бессменно бдит.
А на него с угрозой далекой
Неверный город, дымный зев раскрыв, чадит...
Дрожат маховики, бегут приводы,
Но им лишь поворот вселенной сообщен!
От своего отца отпали роды,
Но не постигнут ими бытия закон!
Ужель сметется дымным ураганом
И этот ароматный заповедный сад?
Иль не найдут пути к его полянам
Паломники, которых ужаснет закат?..

Душисто, жарко в хижине полнощной...
Уснули шепоты молитвенных стихир.

И вновь ко мне склонился Кто-то Мощный,
Звездоочитый, Необъемлемый, как мир...

И юноши раскинутое тело

Изваялось из тьмы очей его резцом...

И потекла дрема брадою белой...

И начертался сон божественным лицом...

А скорбь шарахнулась летучей мышью

В углы глубокие, в распахнутую ночь,

И в душу дунуло великой тишью,

И тело увлекло любовью изнемочь.

.....

Вдруг всполохнулся первым криком петел.

К порогу подошел – присел слепой рассвет.

Я вышла. Мнилось мне, прошло так много лет!

Восторг их не считал, ум не заметил...

Туманной, колыхающейся хлябью

Завесилась судьба небес, земель, дорог,

Лишь золотой, предутреннею рябью

Угадывался взбаламученный восток.

И встала я над вознесенным срывом,

Вонзилась взором в запад мутно-голубой...

Не выплеснет кого ль речным заливом?

Не выкружит кого ль замшенную тропой?

Быть может, дева, за травой – отравой

Блуждая, перейдет за чародейный круг?

Иль старица с вязанкою корявой,

Ища повсюду смерть, приковыляет вдруг?

Юродивый ли, от скитаний старый?

Дитя ль, чья поступь так воздушна и слепа?
Иль руки свившие обетом пары?
Иль выступившая в святой поход толпа?
Услышу я в заветном кругозоре
Тысячеустый гимн иль одинокий вздох?
Узрю голов трепещущее море
Иль силуэт, колени уронивший в мох?

Стою и жду над вознесенным срывом.
От глаз – к плечам, к ногам, всё ниже, ниже мгла...
Весь мир трепещет солнечным наливом!
В часовнях пчел и птиц звонят в колокола...
И вновь благовещает голос старчий
Из древней хижины на радостном холме,
И всё победоноснее и ярче
Венец кудрявый юноши в последней тьме.

Вдруг старец засиял главой в оконце —
Синеочитый, вековой блаженный дух!
– Проснись, о сын мой! Выдь к жене своей, пастух! —
.....
Упали ниц мы. Представало солнце.

1 февраля 1908

ЛАДА

ПЕСЕННИК

Лада в моем поэтическом представлении – это прежде всего буйная¹ девственная сила, разлитая во вселенной. Мировая девичья душа. Ее красотой живы радуги и зори; ее дыханием творимы цветы и плоды; ее голосом веселимы птицы и сердца. В гораздо меньшей степени является она здесь одним из ликов славянской боговщины, почему я, наряду с попытками ввести в стихотворный – песенный – лад, наряду с допущением некоторых красивых славянизмов, нигде не подделывалась под «архаичный» стиль. *Та* Лада умерла тысяча лет назад. *Эта* – живет и будет жить, пока землю еще посещают красные весны.

Любовь Столица

1911 года, листопада 12-го дня Москва

¹ Беру это слово с тем значением его, на какое указывает Афанасьев: буйный – сильный ростом, изобильный, плодоносный.

ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ

К Св. Духу

Уж ты птица, ты птица,
Птица райская моя,
Ты всегда в саду живешь,
По ночам ты мало спишь,
По заре рано встаешь,
Царски песенки поешь.
Из скопческой песни

ЛАДА

В роще березовой
Лада родится —
Юная, сонная
В люльке лежит.
Лик у ней – розовый,
Как поднебесье,
Очи – зеленые,
Как чернолесье.
Лень пробудиться...
Глянуть ей – стыд...

Смотрит и застится
Вся золотая,
Вся потаенная
В русой косе.
К солнышку ласться
Смуглые пальцы.
С шеи червонные
Блещут бряцальцы.
Плоть – молодая.
Губы – в росе.

Всё улыбается,
Спит да играет —
Дивной улыбкою
В чаще растет.
Зверь к ней ласкается,
Цвет ее тешит,
Птица же с рыбою
Моеет и чешет,
Пчелка питает:
Мед свой дает.

Станет красавицей
Дитяtko Лада,
Тонкие пелены
Скинет она:
Сразу объявится
Девичье тело

В листьях, что зелены,
Красно и бело...
Всё ему радо.
Это – весна.

К НОЧИ

Ночь голубая!
Вот – я нагая,
Смуглая, дремная
Дочь твоя.
Сладкоголосая,
Простоволосая,
Мать моя темная,
Пестуй меня!

Передала ты
В косы мне злато,
В тело прекрасное
Темную кровь, —
И зародилась я
С радостью, с милостью
Вешняя, красная
Всем на любовь.

В Ладину зыбку
С томной улыбкой,

Синеочитая,
Ты погляди!
Млеко сребристое
Пьяное, чистое
В губы несытые
Лей из груди...

Чтоб вырастала я
Буйная, шалая,
Чтоб затаила я
Женскую мочь,
Пой и корми меня,
Вьявь и по имени
Матушка милая,
Темная ночь!

К ДОЖДЮ

– Дождик, Лель мой шалый!
Я тебя признала, —

Виснет надо мной
С благодатной выси
Рясный, мелкий бисер,
Синий, голубой...

– Дождик, дождик прыткий!

У меня есть нитки:

На свои волосья
Нанижу тебя я,
И среди берез я
Запляшу сияя. —

Льется надо мной
Из весенней тучи
Мед густой, тягучий,
Белый и хмельной...

– Дождик, дождик ярый!
У меня есть чара:

Розовые губы
Протяну к тебе я,
Выпью, сколько люблю,
И засну пьянея. —

Сыплется в меня
Желтое, ржаное
Семя золотое
Грозного огня...

– Дождик, дождик! Ныне
Ты – в глубокой скрыне:

Молодые бедра

Я тебе подставлю...
А проснувшись – ведро
Песнями прославлю.

Дождик, Лель мой милый!
Я тебя словила. —

К РАДУГЕ

Королевна
В туче гневной —
Ты подруга радуга!
Я – простая,
Молодая
На земле всех радую.

Ты – с густыми,
Голубыми,
Розовыми косами.
Я – с одною
Да златою,
Оплетенной росами.

Как пригожи,
Как похожи
Мы красой и ласкою,
Легким станом,

Сарафаном,
Девичьей повязкою!

Застыдимся,
Притаимся —
Невесть что нам грезится...
Выйдем вместе —
По невесте
Для царя и месяца.

Дай-ка встанем
Да заманим
Их в цветное полымя!
А заманим —
Вмиг обманем
Чарами веселыми.

Мы – сестрицы,
Царь-девицы,
Будем вам отрадою,
Лишь признайте,
Угадайте:
Лада или радуга?

К СОЛНЦУ

Солнышко, солнышко, дайся мне, дайся!

Вниз на девичьи колени склоняйся
Юной главою,
Вкруг увитою
Дремою алой
И вялой.
Желтые кудри твои расчешу я,
Лишь на персты свои нежные дуя.

Солнышко красное, дайся мне, дайся!
В мягких ладонях моих улыбайся,
Облик пригожий,
С отроком схожий,
Радостный, круглый
И смуглый.
Губы приближу к тебе, как цветы, я
И поцелую в уста золотые.

Солнышко, солнышко, станем любиться!
Будешь ты литься, сиять и лучиться,
Взор светозарный,
Карий, янтарный
С утра до ночи
Мне в очи.
Я лишь зажмурю пернатые веки
И, застыдясь, орумянюсь навеки.

Солнышко красное, станем любиться!
Будешь ко мне прижиматься и биться
Ты, огневое

Сердце живое,
Счастьем согрето
Всё лето.

Долго таюсь я и скоро исчезну.
Дайся мне, солнышко, друг мой любезный!

К ЗАРЯНИЦЕ

Старшая моя сестрица,
Ласковая дева-заряница,
Ясных утр прекрасная царица!

На востоке в розовых хоробах,
У заветных розовых черемух,
Ты живешь в приятных снах и дремах.

Ездишь в легкой, розовой ты лодке,
Ловишь жемчуг розовый в наметки,
Рядом – лебедь розовый и кроткий.

Розовы в устах твоих улыбки,
Розовы персты твои и гибки,
В розовых уборах стан твой зыбкий.

Дай мне правое весло, сестрица,
Дай мне горсть жемчужин из кошницы
Да крыло подрезанное птицы!

То весло я оберну лучами,
Жемчуга – весенними дождями,
А крыло – девическими снами.

К СОЛНЦЕВОЙ ДЕВЕ

Средняя моя сестрица,
Пламенная солнцева девица,
Красных дней мудреная царица!

На́ полдне в златом своем покое,
Под волшебной яблонью златою,
Ты живешь в заманчивом покое.
Вьешь венками ты златые травы,
Распрядаешь лен златой, курчавый,
А у ног твоих – златые павы.

Злат в косе твоей тяжелый волос,
Злат и тих разнеженный твой голос,
Златом же одежда закололась.

Дай, сестра, мне стебелек недлинный,
Дай мне нитку тоньше паутины,
Да перо, что выронят павлины!

Сделаю тот стебелек я новью,

Огневую нить – людскою кровью,
Перышко же – девичьей любовью.

К ВЕЧЕРНИЦЕ

Младшая моя сестрица,
Молодая дева-вечерница,
Сумерек чудесная царица!

На закате в голубых палатах,
Возле елок голубых заклятых,
Ты живешь в утехах непочатых.

Льешь ты мед свой в голубые кубки,
Нижешь бисер голубой и хрупкий,
А у плеч – две голубых голубки.

Голубы в твоих ресницах взгляды,
Голубы и веки от услады,
Голубые на тебе наряды.

Дай, сестрица, мне глоток единый,
Дай, родная, две мне бисерины,
Да пушинку с груди голубиной!
Счастье из меда сотворю я,
Бисер будет – слез девичьих струи,
А пушинка – их же поцелуи.

К ВЕТРУ

Ветерок, ветерок,
Голубой голубок,
Ты кудряв, ты крылат,
Ты – родимый мне брат.
От тебя в синеве —
Только плеск да круги,
И твои в мураве
Неприметны шаги...
Ты со мной от души,
Милый ветр, попляши!

Я кудрява, как ты,
Не сминаю цветы,
Две руки подняла —
Вот два белых крыла!
И всегда я пою,
Как и ты, про любовь
И ладонями бью,
Коль поет во мне кровь.
А пляшу я, пляшу,
Так что еле дышу.

Через синий поток
Полетим на восток!

Через розовый сад
Полетим на закат!
Щеки крепче надуй,
Руку в руку мне дай,
На лету всех целуй,
По пути – обнимай.
Мы попляшем с тобой,
Братец мой, голубой!

К ОБЛАКАМ

Небо, небо голубо...
Облака, что голуби,
Улетают вдаль.
Иль меня не жаль?

Перья их серебряны,
В руки ж Ладой не браны,
Клюв целует клюв,
С Ладой не воркнув.

Птицы, птицы вышние,
Белые и пышные!
К вам, на цыпки встав,
Я тянусь из трав,

Плотью нетяжелая,

Ласковая, голая,
С розовой рудой,
С грудью молодой.

Сердце, сердце весело!
Косы я развесила
В два крыла златых:
Полечу на них!

Я – душа любовная,
Девичья, дубровная,
Облачком мне плыть...
Горленкою слыть...

К САДУ

Ах, как чуден, густ и светел потаенный райский сад!
На лазоревых деревьях капли росные висят,
Золотые яблоки
Да цветные зяблики.

Я живу в нем жизнью сладкой: яблок съем, росу попью,
Горлом нежным серебристым песню – вздумаю – спою.

Сядут птахи смелые
Мне на плечи белые.

Я брожу по нем на воле: мох сомну, цветок сорву
И на солнечное темя – захочу – веночков совью.

Лягут сами розаны
Под рукою розовой...

Вместе с птицами, цветами обойду потом весь свет.
Скажут девушки с юнцами: – краше Лады нашей нет!

Светлая, крылатая,
Мчится, всех нас сватая... —

Ах, как чуден, тих и весел ты, лазоревый мой сад!
Сладким медом, легким духом, тварью ласковой богат.

Шепоты да щекоты...
Лишь одно: далеко ты.

К ЗЕМЛЕ

Здорово, бабка старая,
Земля сырая, черная!
Златая от загара я,
Пригожая, проворная...
Росла себе, росла —
И вот какой пришла.

Порадуй внуку колосом,
Повесели травиною
И добрым, грубым голосом
Скажи ей сказку длинную,
Она ж тебе споет
И молодость вернет.

Зальется девье горлышко,
Девичьи косы свесятся...
Про ласковое солнышко,
Про молодого месяца —
Про всё вспомянешь ты
И зародишь цветы.

Мудра ты, бабка старая,
Глупа я, Лада юная,
Да знаю тоже чары я:
Шепну лишь, гляну, дуну я —
Весь свет в моих руках,
Вся тварь лежит в ногах.

Ох, роженица трудная!
Всё сбудется, уладится.
Гляди: здесь внука чудная.
Твои морщины сгладятся...
Она ведь вся в тебя:
Дела творит любя.

К НЕЖИТЯМ

– Девушки водяницы,
Белые явите лица,
Ой, синекудрые,
Мудрые!
Встаньте из воды по пояс,
Серебром студеным моясь. —

– Здравствуй, Лада!
Что тебе от нас всех надо? —
– Я с ветрами,
А пришла к вам за дарами. —

– Мы ли тебя не знаем?
Вот наш жемчуг с горностаем —
Белые, пенные,
Ценные...
Вот лазоревые ленты:
Их повесишь до колен ты... —

– Исполать вам. Будут волны
Летом полны. —

– Девушки лешачихи,
Мне подайте голос тихий,
Ой, белоногие,

Строгие!

Вылезьте из древ по пояс,

В волосах зеленых кроясь.

– Здравствуй, Лада!

Что тебе от нас всех надо? —

– Я с лучами,

А пришла к вам за дарами. —

– Мы ли тебе не служим?

Вот янтарь и прошвы кружев —

Темные, трудные,

Чудные...

Вот и лапти золотые:

В них обуи стопы босые. —

– Исполать вам. Будут пущи

Облак гуще. —

– Девушки земляницы,

Свейте рыжие косицы,

Ой, оголенные,

Сонные!

Выдьте из земли по пояс,

Цепкими перстами роясь. —

– Здравствуй, Лада!

Что тебе от нас всех надо? —

– Я с дождями,
А пришла к вам за дарами. —

– Мы ли тебя не любим?
Вот всё злато нашей глубины,
Гривны отливные,
Дивные...
Вот и холст сорочки белой:
Им одень нагое тело. —

– Исполать вам. Будут недра
Летом щедры. —

«НАД ВЫШКОЙ БЕЛОБРЕВНОЮ...»

Над вышкой белобревною
С улыбкою любовною
Стоит она и кличет.
Волосья с позолотою,
Уста же с позевотою
И голос тонкий, птичий:

«Ты, розовое зарево,
Разнеживай, размаривай
Холмы и небеса!
Ты, ветерок лазоревый,

Потоки раззадоривай
И развевай леса!
Ты, тайна, тайна вешняя,
Неслышнее, да спешнее
Тропу свою веди!
Ты радость, радость красная,
Любовь живая, сладная,
Ей по свету ходи!»

На вышке, как на звоннице,
От всех она хоронится
И Ладою зовется —
Таимница весенняя,
Глаза цветов блаженнее,
А клич, как голубь, вьется...

К ПТИЦАМ

Птахи, птахи, все за мной!
Над долиною земной
Рай весенний мой возрос
Из лазоревых берез,
Осин,
Рябин.

Ты, мой розовый снегирь,
Чащи светлые расширь!

Ты, мой голубь голубой,
Гнезда легкие построй!
Богат
Мой сад.

Ты гуляй, цветной павлин!
Плавай, белый лебедин!
Ты же песни пой и пой,
Соловей мой золотой!
Всем рад
Мой сад.

Птахи, птахи, все ко мне!
Сядьте в косах, на спине,
На плечах и на стопах —
И с небес, за взмахом взмах,
Всяк вниз
Несись!

К ЦВЕТАМ

Сею вас
В добрый час.
Волей ласковой девичьей
Я творю весны обычай.
Встаньте, цветы малые,
Милые, бывалые!

Встань в лугах!
И в руках
Пой, как дудка на закате,
Голубой ты мой касатик!
Душу трогай жалобой:
Ныла, тосковала бы...

Встань под куст!
И близ уст,
Словно кубок, наклонись ты.
Молодильник серебристый!
Кровь пои багряную:
Стала б легкой, пьяною...

Будь в лесах!
В волосах
Ляг ты, словно покрывало,
Сон прилипчивый и алый!
Разум путай дремою:
Смолкнул бы с истомою...
Будь в садах!
На грудях
Сядь ты, розовый мой розан,
Как стрела, остер и грозен.
Жаль ты сердце мукою —
Лаской и разлукою...

Всякий цвет,
Знай завет!

К РОСАМ

Росы, росинки,
Жемчужи́нки,
Девичьи слезки,
Сыпьтесь на березки,
Сыпьтесь на осинки,
Росы, росинки!

Это – я, Лада,
Звездам рада:
От радости плачу,
Слезы свои прячу
Не в ларцы резные —
В травы луговые.

Плакать дольше —
Жемчуга больше.
Коль от веселья,
Будет ожерелье,
Коли же от счастья,
Будут и запястья.

Слезы, слезинки,
Жемчужинки,
Росы ночные,

Вас кладу в цветы я,
Вас кладу в былинки,
Росы, росинки!

К ЛУЧАМ

Лучики, лучики,
Золотые ключики,
Девичьи улыбки,
Троньте облак зыбкий,
Троньте рожь колючую,
Лучики, лучики!

Вот я, Лада,
Встану, когда надо,
Улыбнусь бывшему сну
И улыбкой отомкну
Не замки с запорами —
Небеса с озерами.

Улыбаться слаще —
Золото чаще.
Коль от девьей красоты,
Будут кольца на персты,
Коль от сердца чистого —
Круг венца лучистого.

Вас, улыбки жгучие,
Золотые ключики,
Лучики неба,
Понесу средь хлеба,
Понесу сквозь тучи я,
Лучики, лучики!

ВЕШНЯЯ КНИГА

I

Наземь вешняя Лада ступила,
Все земные тропы исходила,
А над водами Лада вдруг стала,
В них себя увидав, вопрошала:

– Очи, очи, как небо большие,
Отчего вы всегда голубые? —

– Оттого мы всегда голубы,
Что нам люди и твари любы. —

– Косы, косы, как роща густые,
Отчего вы такие златые? —

– Оттого мы, косы две, златы,
Что девичьей красою святы. —

– Губы, губы, хмельные как чарка,
Отчего вы так розовы ярко? —

– Оттого мы и розовы так,
Что желанен нам цветик и злак. —

– Перси, перси, как яблок тугие,
Отчего же вы, перси, нагие? —

– Оттого мы нагие всегда,
Что не ведаем, Лада, стыда. —

– Руки, руки, живые как жало,
Отчего так смуглы вы и малы? —

– Мы смуглы и малы оттого,
Что нам солнце дается легко. —

– Ноги, ноги, как ветер подвижные,
Отчего так белы вы, босые? —

– Оттого мы, босые, белы,
Что нам росные тропы милы. —

Долго Лада у вод просидела,
Неразумная в воды глядела,
Во второй раз она спросила

Про свои несказанные силы:

– Очи, очи, мои голубые,
А зачем же вы, очи, большие? —

– Чтоб весною, как мы велика,
Голубая взманила тоска. —

– Косы, косы мои золотые,
А зачем же вы, косы, густые? —

– Чтоб на волю, как мы развита,
Узывала золотая мечта. —

– Губы, губы мои заревые,
А зачем же вы, губы, хмельные? —

– Чтоб повеял, как мы же хмелен,
На вселенную розовый сон. —

– Перси, перси мои молодые,
А зачем вы, как яблок, тугие? —

– Чтоб повсюду, как мы хороша,
Спела белая девья душа. —

– Руки, руки мои огневые,
А зачем вы такие живые? —

– Чтоб, как мы же две скорая, вновь

Навью землю согрела любовь. —

– Ноги, ноги мои снеговые,
А зачем вы, как ветер, подвижные? —

– Чтоб по свету быстрее двух нас
Свадьба светлая вдруг пронеслась. —

Спину белую Лада нагнула,
В третий раз она в воды взглянула
И свой образ неясный и малый
Умудренная трижды лобзала.

II

Люблю я вас, молодые девы,
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясные напевы,
Еще неведающей Евы
Люблю таинственные сны.
К. Павлова

Подходили к Ладе девы юные,
Золотясь на солнце русым волосом,
Что стада овечьи златорунные,
И пугливым спрашивали голосом:

– Лада, Лада, вешняя богиня!
Иль в колодезях – вода живая?
Только мы из них умылись ныне,
Стала каждая лицом иная. —

– Вы не бойтесь, девы, девы скромные!
От очей моих – все воды ясные:
Чуть облили ими лица темные,
Сделались, как Лада, вы прекрасные. —

– Лада, Лада, умная богиня!
Неужель под каждым древом клады?
Погуляли мы в лесной густыне —
И чему-то всею плотью рады. —

– Не дивитесь, девы, девы глупые!
От волос моих леса дремучие:
Лишь ступили вы, их корни щупая,
Сделались, как Лада же, могучие. —

– Лада, Лада, милая богиня!
Иль в цветке – не мед, а яд дурманный?
Рвали мы кто золотой, кто синий,
Головы ж равно у всех нас пьяны. —

– Пойте, пойте, девушки любимые!
Ведь от уст моих – цветы зеленые:
Вот вдохнули запахи сладимые,
Стали вы, как я сама, влюбленные. —

– Лада, Лада, чудная богиня!
Напускает ли гроза недуги?
Мы под ней коров пасли в долине,
И досель душа у всех в испуге. —

– Улыбнитесь, девушки горячие!
От грудей моих – все тучи скорые:
Коль запали в вас их вздохи жгучие,
Вы, как я, любовной болью хворые. —

– Лада, Лада, добрая богиня!
Не кладет ли солнышко заклатья?
Хороводом шли мы по равнине,
А тянулись к юношам в объятия. —
– Не стыдитесь, девушки желанные!
От перстов моих – лучи те длинные:
Лишь извели их ласки рдяные,
Сотворили вы, что я сама, невинные. —

– Лада, Лада, девичья богиня!
Иль в ночи приходит наше счастье?
Ах, не нужно нам ни злата в скрине,
Ни ручного, узкого запястья! —

– Поцелуйтесь, девы, девы красные!
От шагов моих – та ночь весенняя:
Угадали в ней вы тайны страстные...
Нет же, кроме Лады, вас блаженнее!

ПТИЦА ГАМАЮН

В рай мой, розовый от света
И от яблонного цвета,
Прилетала раз она
И, пока текла весна,
Пела, милая,
Синекрылая...

Голубое – в перьях – чрево,
А лицом и грудью – дева,
Мягче нет ее хвоста,
Нет улыбчивее рта,
Гуще – волоса,
Слаще – голоса...

От него – играли грозы,
И лазоревые розы
Зацветали по тропам,
И любилося голубям,
И плясала я,
Лада шалая!
А когда брала усталость,
К ней, лукавая, я кралась
И, поймав в тени куста,
Целовала вдруг уста

Еле рдяные,
Пеньем пьяные.

Ах, как мы с тобой смеялись,
Как мы в зелени качались,
Голубая Гамаюн!
Зазывали всех, кто юн, —
Королевичей —
В рай наш девичий...

Птаха-девушка, ты пела,
Улыбая лик свой белый,
Сладкой капая слюной,
Обнимаючись со мной...
Как любила я
Песни милые!

Травень, 1910 года

ЛЕТНИЕ ПЕСНИ

*У нас было на сырой на земле —
Претворилися такие чудеса:
Растворилися седьмые небеса,
Сокатилися золотые колеса,
Золотые, еще огненные.*

Из хлыстовской песни

К ДУБРАВЕ

Распрекрасная пустынная дубрава, —
Чаща слева, пуца прямо, глушь направо, —
Все высокие, все старые деревья,
Вы шумите, стерегите тело девье!
Вы, раскидистые розовые сосны,
Скройте путь ко мне излучистый и росный.
Вы, развесистые белые березы,
Притените, коль придут на небо грозы.
Вы же, ели голубые да большие,
Приютите, чтоб не зрела ни души я.
Так я, Лада, проживу свой век за вами —
За дремучими потемками и пнями.

Распрекрасная зеленая дубрава, —
Сверху листья, снизу корни, сбоку травы, —

Все молоденькие, низкие деревья,
Вы растите, берегите сердце девье!
Глянь-ка, розовая тонкая сосенка, —
Сердце Лады как у малого ребенка.
Тронь-ка, белая лохматая березка, —
Сердце Ладино, ведь подлинно, из воска.
Знай-ка, маленькая елка голубая, —
Это сердце ныне бьется, замирая.
Нет, мне, видно, не прожить свой век за вами —
За девичьими просонками и снами.

К ПЧЕЛАМ

Пчелы, искры златожалые,
Что вы вьетесь хороводом?
То – уста девичьи алые,
А не розан, полный медом.

Ныне первый раз из логова
Я на белый свет взглянула,
Рта малинового строгого,
Подивившись, не сомкнула...

А досель и не казалась я
Боязливая, нагая —
Всё жила, с стыдом и шалостью
Волоса на лик спуская.

Вы же, пчелы, чуть ступила я,
Роем с розанов слетели
И уселись, златокрылые,
На душистом белом теле.

Словно молоньи крылатые,
Вы меня настигли в чаще.
Разве, злые, виновата я,
Что сама цветов всех слаще?

Кровь моя горит и точится
Теплой розовою каплей...
А согнать мне вас не хочется:
Руки тонкие расслабли..

Пчелы огненные, шалые,
Что вы все ко мне прильнули?
Это – сердце, сердце алое,
А не сладкий, темный улей!

К ЗМЕЯМ

Вы, змейки, змейки жгучие,
Тягучие, сверкучие,
Что струи серебристые
И что лучи златистые,

Обвейтесь вокруг
Моих колен и рук!

Девичье тело стисните,
Сомкнитесь и повисните,
Как пояс и запястия,
От счастья, от несчастья —
Ото всего храня
Безвинную меня.

Ах! Вами озолочена,
Я сплю неопорочена...
А вы, виясь, сверкаете
И, ластьясь, вдруг кусаете
Концами тонких жал,
Что глаз мой не видал.

За что вы, змеи жгучие?
Я, Лада, вас не мучаю.
Мои же руки томные,
Мои колени темные
Уж бьются и горят —
Всё ласк иных хотят.

Ах! вами я отравлена,
Лежу, одна оставлена...
А вы, шипя, сползаете
И мигом пропадаете,
Среди зеленых трав,

Мне тело развязав.

ГРОЗОВЫЕ ПЕСНИ

1

Гроза моя, гроза моя,
Ты – золотая самая
Из вышних колесниц!
Катись сюда, гремучая,
Скачи сюда, сверкучая,
Скорей весенних птиц!

Далеко ты, далеко ты...
Я слышу только рокоты
Серебряных колес.
Стою внизу и плачу я,
Нагая и горячая
В золотых запястьях слез.

Кругом – кукушки плачутся,
Все жужелицы прячутся,
И думает сосна:
«Что случилось с милой Ладюю?»
Пред скорбью иль усладою

Горюет так она?»

А я сама не ведаю —
За девичьей победою
Иль девичьей бедой
Из зелени ступила я,
И грудь зачем прикрыла я,
Стыдась, рукой одной?..

Гроза моя, гроза моя,
Ты – огненная самая
Из всех весенних птиц!
Прекрасная, незрячая,
Уж только очи прячу я,
Но не мочу ресниц.

2

Где вы, подруги любимые,
Девушки лешие, водные?
В эти края нелюдимые,
Под руки взявши холодные,
Что вы меня привели?
Что вы, покинув, ушли?

Лада осталась забытая,
Лада без вас – одинокая,

Волосом светлым укрытая,
Голая, голубоокая,
В слез жемчуга убрана,
На́ век кому-то дана...

Боязно, девушки милые!
Боязно, цветики малые!
Так бы теперь завопила я...
Так бы теперь побежала я...
И позвала б – да молчу.
И упаслась – не хочу.

Вот уж гроза моя – около!
Кони храпят златомастные,
Гонят их белые соколы,
Вожжи стегают их красные,
Чьи-то сверкают глаза...
Высохла сразу слеза.

Храбрости чудной набралась я,
Косы откинуть посмела я,
Вся жениху показалась я
В злате их – белая, белая,
Розана два – на груди.
Вот какова я, гляди!

Ты – громовник!
Я проведала о том:
Как шиповник,
Занозил ты алым ртом.

Ты – могучий!
То признала сразу я:
Вихря круче
Охватил ты всю меня.

Ты – красивый!
Я узрела это вмиг.
Как огниво,
Осветил меня твой лик.

Ты же – грозный!
Это ведомо другим.
Коль не поздно —
Убегу к лесам своим.

Спрячусь, Лада,
Вглубь родимого дупла, —
Рада, рада,
Невредима и гола...

А увидишь,
Светлым взором упрошу,
А обидишь —
Острым зубом укушу.

Чур, громовник!
Я не дамся, закричу!
Полюбовник
Мне не будешь – не хочу.

4

Здравствуй, ты, погибель моя девья неминучая!
Льнет ко мне громовник, огневой любовью мучая.
Злая, безответная в руках его лежу,
Маленькая, белая от жарких рук дрожу.

Понапрасну руки те слезами я окапала,
Понапрасну тонкими ногтями исцарапала,
Я ль не хоронилась, не таилась, не блюлась?
Я ли, Лада красная, добром ему далась?

Выдали, нет, выдали глаза меня зеленые...
Засияли в логове, как месяцы влюбленные.
Засияли радостно – а ныне не глядят...
Видно, ослепил он их, златой склонивши взгляд.

Предали, ах, предали меня уста румяные...
Улыбнулись в зелени, как розы духмяные.
Улыбнулись сладостно – теперь же веют вздох...
Видно, поцелуями настиг он их врасплох.

Изменили руки мне, объятия раскинувши,
Изменили волосы, покров свой разодвинувши,
Изменила сила вся, веселость, стыд и страх
И кругом измена мне: в лесах, лучах, зверях.

Так и погибаю я средь грохота и золота,
Бородою ласковой плечо мое исколото,
В теле нежном девичьем разымчивая боль...
От палочей молоньи, от ярых ласк его ль?

Здравствуй, полюбовник мой, безжалостный и
пламенный!
Всё на белом свете сотворил ты новым для меня.
Преданная, мудрая в глаза твои гляжу,
Розовая, слабая от счастья дрожу.

5

Ты, касатка боязливая
В недолетней вышине,
Или белка сиротливая
На нетронутой сосне,

Или девица дремливая
В запертом своем окне, —
Все вы, глупые, стыдливые,
Раз всплакните обо мне!

Ты же, лебедь истомленная
Над пучиной водяной,
Или змейка распаленная
В черной зелени лесной,
Или девица бессонная
На постели огневой —
Все мудреные, влюбленные,
Вы порадайтесь со мной!

Я вернулась к вам прекрасною,
Да на огненных крылах,
С голубой утомой сластною
В переменчивых очах,
С тайной розовой опасною
На улыбчивых устах.
Вы, что скорбь испили страстную,
Мне служили не за страх!

6

Стой, громовник-полюбовник мой младой,
В черном облаке соколик златой!

Не видались мы с тобой много дней:
Стосковалась я по ярости твоей.
Для чего ж зеленым взорам и цвести,
Коль тебя не останавливать в пути?
Для чего же золотой косе блеснуть,
Коль тебя да не запутывать в сеть?
Для чего ж мне, вешней Ладе, жить да быть,
Коль тебя, Световита, не любить?!
Ой, метнул в меня ты пламенный свой взгляд!
Оба уха у меня огнем горят.
Ой, уж крикнул ты мне стыдные слова!
Ходит кругом у меня голова...
Ой, прильнул ко мне ты черной бородой!
Обмираю я в любви молодой...
Протяни же руки смуглые свои,
Ухвати же руки белые мои,
На кулак девичьи косы намотай
И тяни меня, тащи меня – взлетай!
А высоко от родной моей земли
Стан податливый навзничь повали
И на туче голубой и пуховой
Залюбись, жених неистовый, со мной!

С тучи розовой
Вдоль по радуге

В лес березовый
Лада падает —
Сном да грезюю
Тело радует.

Спит счастливая,
Спит усталая...
Спят пугливые
Очи шалые,
Спят ленивые
Губы алые...

Грозный с топотом
Удаляется,
Громким шепотом
Он прощается.
Всё светло потом —
Синь является.

Листья темные
С их отрадою,
Птахи томные
С их усладою
Были дремные
Вьют над Ладюю.

Видит милого —
Улыбается,
Вспомнит пыл его —

Раскидается,
Чарам сил его
Покоряется.

Возле – донная
Глушь родимая,
Серебренная,
Золотимая...
Спит влюбленная,
Спит любимая.

К ВОДАМ

Воды, с светлую струею,
Огневою, золотою,
Серебристою!
Вы – остуженное пламя,
И, склоняючись над вами,
Век я выстою.

У ключа я встав умоюсь,
В море выищу на пояс
Жемчуг, зоркая...
Из колодезя напьюсь я,
И спою с вечерней грустью
У озера я.
Прежде, коли я вздыхала,

Были вместо опахала —
Вы, текучие!
Ныне Лада полюбила,
И еще в ней больше пыла,
Сердце – жгучее.

Чаще пьют в лесах у сруба
Девьи розовые губы,
Что целуются.
Дольше смотрят в озера
Голубые девьи взоры,
Что красуются.

Воды, воды разливные,
И морские, и речные,
И гремячие!
Вас бы, выпив, иссушила —
Всё б руды не затушила
Я, горячая...

Вместо зеркала и меда
Для меня вы стали, воды,
Светлоструйные!
Персям, бедрам без повязки
Лейте, лейте ваши ласки
Поцелуйные!

К ЗВЕЗДАМ

Звезды, красивые звезды,
Огненных сиринов гнезда,
Вишен серебряных грозды!

Я искони вас любила,
Глупая, слезы точила:
Ах, далеко то, что мило!
Ах, если б к звездам добраться,
На земь со звезд улыбаться:
Вот где я, сестры и братцы!

Спать в колыбелях навесных,
Кушать с деревьев небесных,
Сиринов слушать чудесных...

Видно, вам ведома жалость.
Ныне сбылось, что желалось:
Лада вас, звезды, касалась.

В зарной постели лежала,
Сладость лобзаний вкушала,
Голос влюбленный слыхала...

Вы – полюбовников гнезда,
Вы – поцелуйные грозды,

Звезды, прекрасные звезды!

ПТИЦА СИРИН

Чудная птица, дивная птица
Стала в саду моем красном таиться.
Ловишь – запрячется,
Гонишь – расплается,
Сядет в глуши – и поет
Ночи и дни напролет.

Слезные песни! Грозные песни!
Нет же их лучше, печальней, чудесней:
Дерево клонится,
Лебедь хоронится,
Дождик идет золотой,
Плачу сама я порой.

Хитрая Лада, тихая Лада,
Раз я ее уследила среди сада.
Вижу-дивлюся я:
Девушка русая!
В белые ж плечи вросло
Крови алее крыло.

Как увидала, как зарыдала!
К сердцу когтями своими прижала, —

Грудь оцарапала,
Лик мне закапала
Горькой хрустальной слезой,
После утерла косой.

Дивная дева с чудною птицей
Стали мы рядом на ветке томиться...
В крылья закутаны,
В косы запутаны —
Стали, как двое невест,
Петь до серебряных звезд.

Красная Сири́н! Прекрасная Сири́н!
Ах, как мой сад для одних нас обширен!
Обе истомные —
Очи огромные —
Мы от любви поем.
Мы от любви умрем.

Изок и червень 1910 года

ОСЕННИЕ ПЕСНИ

*Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламывала,
Гусей до дому заганивала.
Гой вы, гуси, тега, серые, домой!
Не пора ль вам со синя моря долой?
Гой вы, гуси, чай, наплавались,
А я, девица, наплакалася:
Давно с милым не видалася!*

Русская песня

К ЛИСТЬЯМ

Куда, куда вы, листики,
Желты и золоты?
Все кустики, как хлыстики,
Без вас стоят пусты.

Могла бы – догнала бы я
И вешала в ветвях...
Да стала Лада слабая,
Нет резвости в ногах.

На Ладу, знать, напущено
Мораною лихой —

И бродит возле пущ она
Печальной и больной.

Куда вы, пряди длинные,
Русы и золоты,
Как нити паутинные,
Несетесь развиты?

Вас заплела бы в косу я,
Да не хватает сил...
Хожу простоволосая,
И синий взор остыл.

Порхают златоусые
Листы, что мотыльки,
До них не дотянуса я
Концом худой руки.

Прости же, лес березовый!
Не знаю я, как быть:
Одной улыбкой розовой
Тебе не пособить.

Ах, погостите, милые,
Крылатые листы!
Не вас ли приносила я
В деревья и кусты?

Куда, куда вы, глупые?

На мох моей тропы...
Вас собираю скупю я
Концом босой стопы.

К ТУЧАМ

Матери

Тучи белые и черные мои,
Вы идите, тучи вешние, домой,
Лягте, тучи, в дали теплые свои
Пред студеною серебряной зимой.

Сжат мой колос, скошен красный мой цветок.
Полно Ладе вас, небесные, доить!
Нежным пальцем дождевой молочный ток
Из тяжелых ваших выменей давить...
Я озябла в красоте нагой своей,
Вся закуталася в рыжих волосах,
Заломила хворостину подлинней
И гоню вас, словно стадо, в небесах.

Под ногами – золотые деревья.
Под босыми – пустыри да журавли...
Уводи своей дорогой, синева,
Стадо Ладино далече от земли!

Вы идите же, коровушки мои,
За далекий, огневой, осенний лес,
Киньте пастбища привольные свои
Средь лазоревых и розовых небес.

К ЯБЛОКАМ

Яблоки – красные солнышки!
Весь вы мой сад осветили.
Вы да большие подсолнушки
Осенью мне услужили.
Яблочки, шлет вам спасибо
Лада – былая улыба.

В ветках, как лешая, лазая,
Руки тяну я за вами,
Вся в волосах, большеглазая,
С чуть золотыми сосцами,
С чуть розовеющей кровью...
Яблочки! Дайте здоровье!

Рдяны, и алы, и розовы,
Вы надо мною висите.
Прочь прогоните морозы вы,
Вешнюю пору верните!
Дайтесь вы птице бескрылой —
Деве больной и унылой.

Яблоко, к жизни потребное,
Ты у меня пред устами!
Ах, изопью я целебное
Красное, сладкое пламя...
Вот – от плода я вкусила:
Девичья вспомнилась сила.

Яблоки, солнышки красные,
Плоть моя вами целится.
Вновь весела и прекрасна я,
Снова пою я, как птица,
Снова пляшу я, как рыба.
Яблочки! Девье спасибо!

ХМЕЛЕВЫЕ ПЕСНИ

1

Ярило, Ярило,
Явился ты, милый!
Лик розов и девич,
Лазоревы взоры.
Ты, Хмель-Королевич
Осеннего бора!

Не к Ладе ль пришел ты
В осинничек желтый,
В золотые березы
Походкою зыбкой?
В очах твоих – слезы.
В устах же – улыбка.

Ярило, Ярило,
Вот – сад мой унылый.
Вот – в сад этот дворца.
Вот – я молодая,
А вот – мое сердце...
Войди же играя!
За девичье тело,
За голос несмелый,
За отрочьи силы,
За облик весь милый
Тебя полюбила,
Ярило, Ярило!

2

Здравствуй, юный, здравствуй, милый!
Не тебя ли я любила,
Запечалясь по весне?
Здравствуй, нежный, здравствуй, шалый!

Не тебя ли я видала,
Улыбаючись во сне?

Вот такой – как осень русский,
Точно дитяtko безусый,
Ты мне грезился давно.
Вот – с такою же улыбкой
Сладкой, розовою, липкой,
Пьяной, пьяной, как вино!

Те же – очи, те же – взоры,
Что хрустальные озера
С голубою глубиной.
Те ж – венки и ожерелье,
То же – чудное веселье
Вместе с чудной грустью той...

Наяву теперь пожалуй
И откушай яблочко алыи,
Что тебе, стыдясь, несу!
Коль устал ты, коль ослаб ты,
Я сниму золотые лапки,
Постелю свою косу.

Гостем будь, мой юныш милый,
Бог прекрасный, Хмель-Ярило!
Сядь, любуйся и целуй,
Чтоб я, Лада, раз вздохнула,
Улыбнулась и заснула,

Выпив хмельный поцелуй.

3

Е.С.

Средь золотого сада,
Вкруг большого дуба
Ходим мы, два Лада,
Два родные Люба.

Крепко так прижались
Нежными плечами
И в одно смешались
Мягкими кудрями.

Угадайте, люди,
Кто из нас двух дева?
Малы обе груди,
Круглы оба чрева.

Сами мы забыли,
Сами уж гадали,
Девушка – не ты ли?
Юноша – не я ли?

Кто стыдится больше?

Оба лика алы.
Кто целует дольше?
Ах! Обоим мало...

Средь золотого рая,
Вкруг большого древа
Ходим мы, играя,
Юноша и дева.
Голубые взгляды.
Розовые губы.
Лад не старше Лады.
Люб не краше Любы.

4

Виноградье мое,
Красное, зеленое,
Дай вино нам свое,
Дай вино нам сонное!

Под зелеными листьями
Обнялись мы и стоим.
Я – с золотыми волосами,
Он – со взором голубым.
На моей ладони – грозды,
У него на кудрях – хмель,
И манят пустые гнезда

Нас, как брачная постель.

Виноградье мое,
Завитое, ровное,
Дай вино нам свое,
Дай вино любовное!

Порвались на нас одежды:
Мы теперь берез голей...
Не поднять мне к другу вежды,
Не свести ему очей.
У меня, у Лады, тело
Невысоко, розово,
У него, Ярилы, бело
И повыше моего.

Виноградье мое,
Молодое, буйное,
Льем вино мы твое,
Льем зеленоструйное!
Я уста свои раскрыла,
Он раскрыл уста свои —
Прикоснулись к чаше милой
И упали в забытьи...
Вот под красными кистями
Обнялись мы и лежим
С омоченными устами,
С поцелуем начатым.

Виноградье мое,
Красное, зеленое,
Пьем вино мы твое,
Пьем – чета влюбленная!

5

Поцелуи, поцелуи —
Полюбовные загадки!
Как медов стоялых струи,
Так они хмельны и сладки.
Ты целуешься, ликуя,
Я целуюсь без оглядки.

У меня уста раскрыты,
Как кольцо, цветок и кубок,
Поцелуями не сыты
Никогда, как клюв голубок, —
Воды алые налиты
В глубь моих бездонных губок...

У тебя же губы сжаты,
Словно ключ, копьё и жало,
И впиваешься в меня ты,
Словно сокол одичалый, —
Золотым огнем объята
Те уста, что я желала...

Ах, добудь кольцо ключами!
Жалом розана коснись ты!
Завоюй себе боями
Кубок полный и душистый!
Ах, сойди, золотое пламя,
В окиян мой красный, чистый!

6

Голубо ночи крыло голубиное.
Ах! Под него бы укрыться...
Сад мой – кольцо золотое, змеиное.
В нем мудрено ль заблудиться?

Тихо я косы над милым раскинула —
Вышел шатер златотканый,
Белую грудь из одежд своих вынула —
Ляг на нее, мой желанный!

Голубы очи твои голубиные.
Глянешь – признаю за братца.
Губы же алые, губы змеиные...
Как же тебя не бояться?

Нежны персты твои, с кольцами – правые.
Тронешь – сочту за сестрицу.

Ласки же сладкие, ласки лукавые...
Как же тебя не стыдиться?

Словно крылом, ты рукой своей белою
Обнял меня и – владеешь.
Что я придумаю? Что я поделаю?
Разве, любя, разумеешь?!

Долги, густы волоса мои рыжие.
Ах! Хоть бы в них притаиться...
Милый же лик и под ними всё вижу я.
Иль от богов не укрыться?

7

Как прошла пора ночная,
Пробудилась уж одна я.
Мох мой холоден и пуст,
Нет у уст у алых уст.

Он ушел, мой друг кудрявый...
Ни налево, ни направо.
Я его искала там:
Слезы блещут по листьям.

Он ушел, мой друг кудрявый...
Золотые ж вяньте, травы!

Улетай же, серый гусь!
Изведи же Ладу, грусть!

Он ушел, мой друг кудрявый...
Лист последний, плавай, плавай,
Ветр осенний, дуй и дуй,
Вей с листом мой поцелуй!

Вот пришла пора ночная,
Грустью смертною больна я,
Но ему я шлю вдогон
Только ласку и поклон.

Ююн и Листопад, 1910 года

К ДАЛИ И ВЫСИ

Даль моя,
Золотая!
Вновь хвораю я,
Горевая.
Уж не хочется
Пить мне росы,
И волочатся
В травах косы...

Уложи, укачай, успокой меня, даль,
Дай в тебе схоронить огневую печаль!

Высь моя,
Голубая!
Умираю я,
Молодая.
Голос слышится
Еле-еле,
И не дышится
Душке в теле...

Ты возьми, обойми, подыми ее, высь,
Дай мне облаком розовым в синь унестишь!

К ЗВЕРЯМ

Рай мой светлый погиб:
Нет серебряных рыб,
Нет и птах золотых.
Рай мой шумный затих!
Хоть бы зверь невзначай
Забежал в этот край,
Хоть бы малый зверок
Сел у Ладиных ног.

Скучно спать мне одной
Возле мертвых живой.

Вот – седой горностаи
Воротился в мой рай.
Молодой соболек
На плечо мое лег.
Золотая лиса
Смотрит с лаской в глаза,
А серебряный кот
На коленях поет.

Мягко спать мне нагой —
Есть покров меховой.

Ах! насажен мой рай
И прекрасней, чем в май:
Тьма в нем белых берез,
Белых коз, белых ос...
Пусть приходит сама
Снеговая зима,
Пусть берет меня сон,
Ледяной угомон!

Сладко спать не одной,
А средь твари родной.

ПТИЦА АЛКОНОСТ

Светлый высеребрил иней

Древ навес.
У меня, счастливой, ныне —
Гость диковинный с небес.

Он по грудь – пернатый голубь:
Пал, летя...
Выше наг, очами голуб:
Белокурое дитя.

Сел на ветку, отряхнулся,
Мал и бел.
Подремал, а как проснулся,
Тонким голосом запел:

«Собирайся, Лада, Лада,
В небеса!
Нагуляешься средь сада,
Где, что розы, чудеса.

Наглядишься там на милых,
На родных,
Златокудрых, среброкрылых,
Круглолицых, молодых».

И, пока заря не тухла,
Всё он звал
И рукою нежной, пухлой
Звездный терем указал.

Ах, побудь, голубоокий
Алконост!
У груди моей высокой
Так тепло, как в глуби гнезд.

Не взыщи лишь – угощу я,
Чем пришлось:
Пей с ресниц моих, воркуя,
Золотые капли слез!

К СНЕГУ

Бабочки, бабочки белые
К нам с поднебесья летят!
Пять их поймать уж успела я.
Вот – на ладони сидят.

Тихие, легкие, вольные...
Меньше не видано крыл!
Верно, им сделала больно я:
Вот уж и след их простыл...

Руки расставивши, снова я
Их стерегу над собой.
Вьются всё новые, новые
В кудрях, у плеч, над губой!

Что ж их поймать не успела я?
Что ж я упала без сил?
Быют меня бабочки белые —
Сотни серебряных крыл...

К МЕСЯЦУ

Седовласый, среброглазый
Месяц, месяц, дед мой старый,
Я мертва была.
Ты умыл меня от сглаза,
Разомкнул ты смерти чары —
Встала я, пошла...

Ах, жива я! Вновь жива я!
Видят очи, дышит тело,
Ходят стопы ног.
Я – живая, но иная:
Словно розан малый, белый,
Словно голубок.

Добрый дед мой, белый лебедь,
Ты берешь меня на спину,
Носишь в небесах...
И, смеясь на внукин лепет,
Мчишь к лазоревому тыну
В золотых цветах.

В каждом цвете – с медом кубок,
На тычинах всех – камень,
Рос земных светлей,
А за тыном – рой голубок
И девичьи пляс и пенье,
Вешних игр милей.
Седовласый, среброглазый
Месяц, месяц, мудрый, старый,
Я нага была.
Ты убрал меня в алмазы,
Напоил из сладкой чары,
Я туда вошла.

К НЕБУ

Отче, лысое небо!
Мне хотелось тебе бы
Встать пред синие очи,
Небо, ласковый отче!

Чуден город твой вышний,
Сад надоблачный дивен.
В нем и звезды, и вишни —
Серебристее гривен.
Чудны юноши-кони,
Дивны девушки-птицы,

Чудны дочери-сони,
Мне родные сестрицы.
Канул взор их в затоны,
В лес коса их повисла,
Розовы веретена,
Голубы коромысла...
Что ж мне, батюшка, скушно
В винограде небесном?
Весь мой плач простодушный
По тебе безызвестном.

Мне бы стать на пороге
У лазоревой сени,
Поклониться бы в ноги,
Сесть к тебе на колени,
Мне бы, белою ручкой
Сжав могучую шею,
Спать под русою тучкой —
Бородою твоею.
И во сне неглубоком
Чуять лоно родное,
Да глядеть одним оком
На лицо золотое.
Ты бы сам веселился
На прекрасное чадо,
Ты со мной бы носился:
Лада, дитяtko Лада!
И блистали бы грозы,
Розовели бы сосны,

Голубели березы,
Шли б за веснами весны...

Отче, милое небо!
Мне хотелось к тебе бы
На утра и на ночи,
Небо, ласковый отче!

ПТИЦА ФИНИКС

Солнышко осеннее, —
Тише птичье пение
Средь пустых долин —
И с небес, как с криницы,
Вниз, купаясь, кинется
Чудный мой павлин.

Юноша по облику,
Но, подобный облаку,
Лучезарный хвост...
Стройны ноги знойные,
Крылья непокойные
Полны синих звезд.

На земле у рамений
Он сгорит на пламени
Сердца своего...

И золотое зарево
Чернолесья старого
Вспыхнет от него.

Солнышко весеннее, —
Громче птичье пение
Средь цветных долин —
И из солнца этого,
Как яйца согретого,
Выйдет мой павлин.

Он от мира ярого
Вознесется в марево
Голубых небес...
И крыло зеленое,
Еле оперенное,
Тронет юный лес.

Юныш – Финикс радостный,
Как мне, Ладе, сладостно
С губ тебя кормить!
И рукою тонкою
С песнью новой, звонкою
По свету пустить!

1911 года Просинца 20-го дня

РУСЬ

третья книга стихов

Роману

*Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Ф. Тютчев

ДЕРЕВЕНСКИЙ ГОД

ВЕСНА

Убраны рощи листьями зелеными.
Звончато кличут кукушки.
Сёла и церкви над темными склонами
В далях стоят, как игрушки.

Грозы над ними идут хороводами
В ярких кокошниках радуг.
Дух удобренных полей с огородами

Крепок, обилен и сладок.

Рыжее стадо линяет на пастбище,
Гукают птахи по веткам.
Утром старухи плетутся на кладбище
С красными яйцами предкам.

Нянчатся дома с грудными ребятами
Их златокосые снохи,
А сыновья над полями горбатыми
Водят скрипучие сохи.

Вечером девушки блещут сережками,
Ярые песни играя,
И распевают слепцы под окошками
Стих о лазоревом рае.

ЛЕТО

Долго стоит золоченая засуха.
Светят в озорах пожары.
В чашах лекарки с пучками за пазухой
Ищут кореньев на чары.
Изредка, черные с белою кромкою,
Зорятся тучи сухие,
С пылью, золой и соломою ломкою
Носятся вихри лихие.

В белых рубахах, с очами безумными,
Охая, жнут молодежи,
Жадно целуют их парни за гумнами
В темные, знойные лица.

В будни толпа работающая, рьяная
Лентой поля опояшет.
В праздник она, ошалелая, пьяная,
Алая, желтая – пляшет.

Зарево пышет за старыми вязами,
К бабьим бежит ожерельям...
Красно сгорают сараи с лабазами
С золотом, с треском, с весельем!

ОСЕНЬ

И/ дут дожди серебрёные, рясные.
Быть урожаям богатым!
Пашни рудые, златые и красные
Скатерти стелют по скатам.

Нет соловьев уже, тут еще – чижики,
Машут крылами ветрянки.
Пахнут разымчиво яркие рыжики,
Боровики и поганки.

В алых повойниках бабы веселые
Всё запасаются слетьем:
Рубят кочны голубые, тяжелые,
Прячут орехи по клетям.
Девки румяные треплют на солнышке
Льна золотистые мочки,
Сладко грызут на засидках подсолнушки
В долгие, черные ночи.

А на задах мужиками матерыми
Режутся жирные свиньи.
Огненный хмель заплелся над просторами
Вязью сусальной над синью.

ЗИМА

Выложен снег колеями недавними.
Пасолнца в небе играют.
Избы с коньками, крыльцами и ставнями,
Как леденцы, отливают.

Зайцы и белки становятся серыми,
И отгорают крестьянки,
Чаще к молельням летят с староверами
Резвые, пестрые санки.

Дó света вставшие девки прилежные
Ткут до полночной метели;
Тихи ресницы их, длинные, нежные,
Черны и часты, как ели.

В сумерки тешат их бабки столетние
Жуткой узорчатой сказкой.
Девичье сердце простое приметнее
Бьется за грубой запаской.

А по сугробам гуляют с обозами
Их женихи удалые.
Словно гвоздем, золотыми морозами
Сбиты пути снеговые.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕНЬ

УТРО

Полнеба становится розовым,
Полнеба еще – голубым,
И тянется к рощам березовым
От сел закудрявленный дым.

Вся зелень вдруг сделалась клейкою
От скатных серебряных рос,
И манится стадо желейкою
На луг, что дремою порос.

Гремя и блистая подойником,
Хозяйки идут на крыльцо
Под качким простым рукомойником
Румяное вымыть лицо.

Хозяева ж, русые волосы
Своей расчесав пятерней,
Спешат на заветные полосы
С телегой, сохой, бороной.

А вслед петухи красноперые

С заборов кричат во весь дух,
И выше всех солнышко скорое —
Златой и горластый петух!

ПОЛДЕНЬ

Кругом поднебесье лазорево.
Ушли облака за плетень...
И ствол вековой осокоревый
Не стелет по улице тень.
Мальцы загорелые щурятся,
За пущенным змеем следя,
И коршуны кружат над курицей,
Лениво крылами вода.

Уж падают ягоды спелые,
Трещит на припеке арбуз.
Купаются девки сомлелые,
С грудей не снимая уж бус.

И тут же с веселыми шутками
Коней своих парни поят
И взорами жгучими, жуткими
На белые спины глядят.

А солнце в узде своей мается —
Горячий караковый конь!

И вдруг на дыбы подымается,
Кидая ноздрями огонь.

ВЕЧЕР

Закраек небес стал малиновым,
Закраек болотин – седым,
И гонится мостом калиновым
Скотина к дворам отпертым.

Проснулись в лесах за туманами
Глазастые совы, сычи.
Запахло цветами медвяными,
Засели кричать дергачи.

И жены торопятся с ведрами
Певучий нагнуть журавель,
Качая могучими бедрами
И грезя про сон и постель.
Мужья уж поют у околицы —
От кос их сверканье и лязг,
И бороды рыжие колются
При встрече в час дремы и ласк.

А бык по задворкам слоняется,
Коров вызывая на рык,
И солнце, бодая, склоняется —

Рудой и неистовый бык!

НОЧЬ

Уж небо – почти потемнелое,
Почти уж не видно земли,
И звезды цветные и белые
Над крышами вдруг расцвели.

Собаки все кажутся черными,
Нырять летучая мышь,
Жемчужными сыплется зернами
Распев соловьиный в камыш.

И матери истово молятся
И спят, заложивши засов,
Лишь те, что моложе, неволятся,
Над люлькой склоняся без снов.

Отцы же над копнами свежими
Забылись, гуляя в ночном,
Лишь те, что постарше, с мережами
Не дремлют в затоне речном.

А месяц плывет и не ловится,
Хоть блещет в воде, у ракии,
И к утру под землю становится —

Огромный, серебряный кит!

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

МАСЛЕНИЦА

Как завздорят гудошники-вьюги,
На распутьях в сопели играя,
Расписные вязовые дуги
Вскинут парни, коней запрягая.

В алых шалях, в серебряных кольцах
Молодухи кружат на катанье,
Слышен визг их в глухих колокольцах
Над мужицкой раскатистой бранью.

В кабаке, сбив посуду со стойки,
Пляшет староста с пьяною бабой.
Их шаги – косолапы, нестойки,
А лицо – маслянисто и рябо.

А по избам, к окну от оконца,
Ходят гости, едят и дерутся,
И блины, золотые, как солнце,
У стряпух краснощеких пекутся.

Из лесов же, ощеривши морды,

Подвывают завистливо волки,
И метели, на поступь не тверды,
Мчатся в кольцах, румянах и шелке.

КРАСНАЯ ГОРКА

Как сойдет на поля и усадьбы
Золотое ненастье посева,
Станут ладиться вешние свадьбы
По деревням – направо, налево.

Свахе ласковой в шубке узорной —
В чистой горнице первое место!
По косе своей русой иль черной
Там и сям причитает невеста.

Бьют отцы по рукам на пирушке
И о рядной толкуют раз десять,
Женихи ж и кудрявые дружки
У гулливых солдаток чудесят.

А в ворота стучат поезжане,
И хмельны, и щедры, и нарядны.
Их встречает, как холм на поляне,
Хлеб на блюде – душистый, громадный.

Возле ж церкви растут незабудки,

Отдыхает там прадед-покойник.
К новым гнездам уносятся утки,
На березах – зеленый повойник.

СЕМИК

Как наденут весенние долы
Свой цветами затканый подрясник,
Дружно справят веселые села
Стариной установленный праздник.

На зеленом лесном перекрестке
Девки русые в розовом ситце
Убирают тряпицей березки,
Приготовясь плясать и кумиться.

В стороне собралися ордою
Их кудрявые рыжие братцы,
Затевая лапту с чехардою
И шутя принимаяся драться.

А в глуши, завивая веночки,
Уж гуляют влюбленные пары
И на каждой целуются кочке,
Румяны от стыда и загара.

Вечеру же – туман полушалком

В серебристом лежит перелеске,
И проказничать любо русалкам
В росном плеске и месячном блеске!

КУПАЛО

Как наступит купальская ночь,
Заблестят светляков изумруды,
И крадутся за огненной почкой
Смельчаки из нужды и причуды.

Парни страшной соломенной кукле
Над водою костер разжигают,
Шалых девок чрез пламя и угли
Для утех за кусты умыкают.

Дома, в душной от сена подклети
Снох со свекрами путают черти,
Грезят вслух белокурые дети
И старухи вздыхают о смерти.

А поутру – приходят красотки
Без платка, с синяками под глазом,
Волокиты последние сотки
Выпивают средь улицы разом.

По реке же далече уплыли

Их венки из Ивана-да-Марьи.
Дремлют шуки в желтеющем иле,
И туман отзывается гарью.

ДОЖИНКИ

Как приблизится время дожинок,
Вниз посыпятся листьев червонцы,
И собираются бабы на рынок
Покупать веретена и донца.

В синих лентах и медных монистах
Выступают по улице жницы,
А толпа батраков голосистых
Тащит сноп лучезарный пшеницы.

Близ возов поседелые деды,
Выпив, хвалятся силой изжитой,
У подворий своих мироеды
Судят-рядят о ценах на жито.

А поодаль – у мамок и нянек,
Улыбаясь, сидят ребятишки.
В пухлых пальцах их – сахарный пряник
И медовые с маком коврижки.

В поле ж прыгают лакомки-зайцы,

Прозябает богатая озимь,
И несет золоченые яйца —
Дни погожие – добрая осень.

СВЯТКИ

Как придут вечерницы святые,
Встанет месяц в снях, славословя,
И на звезды – стада золотые —
Зорко смотрят хозяйки, готовя.

Под овчинным серебряным мехом
У крыльца колядуют подростки,
А сестрицы их с звончатым смехом
Милых ждут на глухом перекрестке.
Перестарки, нарядны и хмуры,
Не идут от седых ворожеек,
И хохлатые, пестрые куры
Зерна проса клюют у скамеек.

А родители долго и поздно
За столами сидят, вечеряя,
Подан взварец им грушевый, постный
И кутья, как сугроб, снеговая.

У дворов же рогатые лоси,
Чуя сено, во тьме колобродят.

В небе много лампадок зажглося,
Овцы снежные на́ землю сходят.

ОЗОРЫ

ПОЛЯ

В кубовой синей широкой рубашке
На бок ложится полдневное небо.
Как разноцветные равные шашки,
В поле разбросаны полосы хлеба.

Рыжая, долгая рожь пламенеет
Меж голубыми, сухими овсами,
Алая, частая греча темнеет
Между зелеными, волглыми льнами.

И наливает за колосом колос —
Разный на ощупь: и мягкий, и колкий, —
Разный по виду: как ус и как волос,
Кистью, гремушкой, кропилом, метелкой...

А на буграх, под крутыми ветрами,
А в буераках, у темного плеса,
Мельницы дремлют, раскинув крылами,
Мельницы дремлют, оставив колеса.

В тихих услонах такой же дремотой

Дремлют широкие, серые села —
Ждут золотого они умолота,
Ждут – и во сне – золотого помола.

В красной кумачной широкой рубашке
На бок ложится вечернее небо.
Как разноцветные, ровные плашки,
В поле раскинуты полосы хлеба.

РЕКА

Мчат облаков белобокие челны
Вольной, гулливой, рыбацъей ватагой.
В розовых отмелях бурые волны
Бродят, как в липовых ковшиках брага.

В волнах ныряют под парусом лодки,
В волнах на веслах ползут плоскодонки,
Идут беляны, стройны и неходки,
Идут буксиры, проворны и звонки.

И проплывают баржи смоляные,
Полные тягостным тысячным грузом:
Есть дровяные тут, есть нефтяные,
С хлебом и рыбой, с углем и арбузом.

А с берегов на речные просторы

Пристани смотрят, махая флажками,
Нагромоздив под навесом заторы
Кожи с кулями, рогожи с мешками.

С оползней смотрят туда же лачужки,
Ярко-червонные в свете захода,
Древние, древние смотрят старушки
Вниз за бурлящей кормой парохода.

Светятся звезд фонари голубые
С мачт на небесных невидимых барках.
В ярах песчанистых волны рябые
Бродят, как мед в позолоченных чарках.

ЛУГ

Льются удои росы серебристой
Из голубого, большого ведерка.
Словно пирог, сыроватый, душистый,
Высится луг у речного огорка.

По лугу скачут телята и шавки,
Бродят коровы, бычки племенные:
Есть холмогорки тут, есть ярославки,
Рыжие, с рябью, с пятном и иные...

Тут же с накусанным ломтиком сайки

Ходят, дудя и играясь, подпаски,
Ходят, доя и смеясь, молодайки
С емкой бадейкой, в замызганной баске.

Жмут они крепкие, бурые дойки,
Тянут за розовым выменем вымя...
А недалече – пестреют постройки
Барских усадеб с двором, кладовыми.

Там средь ушатов, корыт и ведерок
Сливки снимаются, топится масло,
В скопы кладутся сметана и творог,
Крынки порожние сушатся с прясла.

Стынет зари варенец золотистый
Средь голубого, большого подноса.
Словно кулич, подгорелый, цветистый,
Высится луг у речного откоса.

ЛЕС

Ранних лучей золотые корзины
Сверху спускаются в доли и горы.
Мутен и синь, как кусок крашенины,
Тянется лес по краям кругозора.

Много в лесу розоватого луба

И желтоватого, мягкого лыка,
Много бревна на дрова и на срубы,
Много орехов и ягоды дикой.

Алая, кислая есть костяника,
Черная, сладкая есть там крушина,
И голубая, хмельная пьяника,
И огневая, лихая калина.

А глубоко – в сосняке и морошке
Прячется лог, то медвежий, то сычий,
Прячутся пущи казенной сторожки
И бородатый с винтовкой лесничий.

Там, средь полян за стеною кондовой,
Прячутся также скиты и пустыньки,
Прячутся девушки, прячутся вдовы
Под куполами, лазоревей синьки.

Поздних туманов лебяжьи перины
Стелются сверху на реки, озера.
Темен и рыт, словно бархат старинный,
Тянется лес по закрайкам озера.

САДЫ

В алых сафьяновых мягких сапожках

Солнце гуляет вверху до заката.
Словно молодки в янтарных сережках,
Встали сады вдоль зеленого ската.

Блекнут в садах сероватые листья,
И поспевают плоды золотые:
Эти – мучнистей, а эти – сквозистей,
Те уже – битые, те же – литые.

Каждая яблонь подперта тычинкой,
Складно обрыта, подмазана ловко.
Есть тут антоновка, есть боровинка,
Есть тут сквознина, анис и титовка.
А высоко – у плетней и у тынов
Никнут хибарки, от ветхости серы,
Никнут в них, яблочный сбор опрокинув,
Бирки, корзины, решета и меры.

Около кузницы, тока, овчарни
Никнут там также фигурки людские:
В красном или белом с коричневым – парни,
Бабы – все желтые, все – голубые!

В липовых легких лаптях серебристых
Месяц гуляет вверху до восклона.
Словно кормилицы в дутых монистах,
Встали сады вдоль беленого склона.

МУЖИКИ

ПАХАРЬ

Пашня. Висит в небосклоне
Розовый радужный мост.
Тихие, белые кони...
Темные змеи борозд...

Вдоль векового надела,
Новых страшась отрубков,
Водит он плуг зарудельный,
Кряжист, высок и суров.

Русы, как полосы гречи,
Кудри его, борода.
Долги, чудны его речи,
Песня скушна и проста.

В будни боронит, молотит,
Сеет то озимь, то ярь —
В праздник он бабу колотит,
Сам – во хмелю – государь!

Пашет. Над ним, не умея,

Черный чирикает дрозд,
Тянутся светлые змеи
Радужных Божьих борозд.

ПЛОТНИК

Н. П. Мешкову

Выселки. Срубы лачужек
Новой блестят белизной.
Ворохи розовых стружек...
Запахи дымом, сосной...

Возле зеленой березки,
Козлы себе смастерив,
Тешет он длинные доски,
Молод, румян, молчалив.

Руки играют от силы,
Весел лазоревый взор,
Тонко поют его пилы,
Остро сияет топор.

Там он погладит рубанком,
Здесь постучит долотом —
И по цветистым полянкам
К дому становится дом.

Строит. Над ним меж листвою
Умный хлопочет скворец,
Крышей блестит голубою
Княжий небесный дворец.

РЫБАК

Озеро. Днища у лодок
В черный обмазаны вар.
Синий, чудной зимородок...
Злой серебристый комар...

В омут над глубию замершей,
Под мутноватой водой,
Ставит он мрежи и верши —
Маленький, юркий, седой.

Лысина круглая блещет,
Морщится хитро чело.
Быстро гребет, но не плещет
В старых ладонях весло.

Утром он бредень свой чинит,
Сев на ветляный изгиб,
Ночью закинет – и вынет
Скользких серебряных рыб.

Ловит. За ним у побережий
Нежный поет соловей,
Стелются лунные мрежи
Всё голубей и длинней.

ОХОТНИК

Роща. Украсила ветки
Нить заревых янтарей.
Выстрел раскатистый, редкий...
Яростный ток глухарей...

Ловко за дерево пряча
Статное тело свое,
Смуглый, лукавый, горячий —
Вскинул к плечу он ружье.

Взгляд, как у зверя, тревожный,
Рот, как у зверя, широк.
Палец один осторожно
Лег на упругий курок.

Зиму всю – порох он весил,
Чистил проржавевший ствол,
На весну, волен и весел,
К синим полесьям пошел.

Целит. А голос тетерьки
Клохчет вблизи всё звончей.
В листьях проделися серьги
Солнечных первых лучей.

ЯМЩИК

Тракт. Серебрятся морозно
Веги средь снежных пучин.
Поскрип певучий обозный...
Белые груди овчин...

Глядя взметенные гривы
Жгучей вожжою своей,
Пьяный, лихой и красивый,
Гонит он серых коней.

Ласков надорванный голос,
Руки ж свинца тяжелей.
Легок саней его полоз,
Гулок бубенчик у шлей.

Купит то рыжих, то чалых,
Деньги, шутя, зашибет —
И на дворах постоялых
Всё, усмехаясь, пропьет.

Правит. А голубь веселый
Манит за ним упорхнуть,
Вьется в небесные села
Длинный лазоревый путь.

КРЮЧНИК

Пристань. Навалены всюду
Ящики, бочки, тюки.
Толпы рабочего люду...
Вонь от сырья и пеньки...

Горбясь, походкой нетвердой,
Десять пудов он несет, —
Сильный, оборванный, гордый, —
На голубой пароход.

Грудь – в волосах и загаре,
Черные кудри – в поту.
Взгляд же нахальный и карий,
Знает свою моготу.

День под припев непристойный
Он проработал с крюком,
Ночью – свободный, спокойный,
Взял да ушел босяком.

Носит. Могучий и зоркий
Коршун ширяет над ним,
Парус малиновой зорьки
Поднят над плесом речным.

БРАТЧИК

А. Ершову

Горница. Образ старинный
Меркнет в бумажных цветах.
Трезвые, в чистом, мужчины...
Девушки в белых платках...

Братцев, сестриц поучая,
Встал он средь мытых скамей
В алой, как цвет Иван-чая,
Русской рубахе своей.

Голос – высокий и резкий,
Стан – и сутулист, и хил,
Очи же – дивного блеска,
Странных прозрительных сил.

Много сидел он, упорный,
В тюрьмах за веру свою,

Ныне тропую неторной
Вновь с ней подходит к жилью.

Учит. Его с небосклона
Тянут уж вдаль журавли,
Блещет оклад золоченый
Древней осенней земли.

БАБЫ

ЖНИЦА

Поля. Всколыхнулась от грома
Воздушная жаркая синь.
Густая, золотая солома...
Клик диких пролетных гусынь...

Рукой загорелой хватая
Тяжелую рожь для снопа,
Она, молодая, худая,
Созревшие режет хлеба.

Черны завитые ресницы,
Черна изогнутая бровь.
На тонком мизинце – тряпица,
Запекшая алую кровь.

Всю жизнь под работой и сварой,
Как лебедь, свой стан она гнет,
Лишь изредка у самовара,
Милуясь с мужем, вздохнет.

Сжинает. А мышь полевая

Таится под смуглой пятой,
И молния блещет кривая —
Владычицы серп золотой.

ШВЕЯ

Светелка. И мягок, и хлесток,
Снежок порошит за окном.
Игра бисеринок и блесток...
Клубки – золотной на цветном...
Распялив полотнище шелка
И нитку продевши в ушко,
Она серебристой иглой
Шьет быстро, пестро и легко.

Лицо ее как у младенцев,
Улыбка же их мудреней,
И много больных заусенцев
На розовых пальцах у ней.

Весной она лавке кустарной
Продаст свой бесценный лоскут
И спрячет потом благодарно
Гроши на приданое в кут.

Стегает. А векша лесная
Следит перед нею снега,

И сыплются в окна, сияя,
С лестовок святых жемчуга.

ШИНКАРКА

Крыльцо. Голубое затменье
Лежит на сугробах вокруг.
Нескладное, пьяное пенье...
Упорный, неистовый стук...

Красивая, в грубой сорочке,
В тяжелых стеклянных серьгах,
И злая, как ведьмы на кочке,
Встает она с лавки в сердцах.

У ней плясовая походка
И белая, теплая грудь.
Хмельна ее мутная водка:
Ни слова сказать, ни дохнуть...

Подходит с заветной бутылкой
И требует деньги вперед.
Получит – и руганью пылкой
Проводит до самых ворот.

Торгует. Лихая собака
В сенях ее лает и рвет,

И льется из сизого мрака
Рассвета белеющий мед.

ПОЛОЛКА

А. М. Кожебаткину

Пустырь. Над цветными грядами
Алмазная виснет роса.
Кочны голубые рядами...
Девичьи платки, голоса...

Минуя побитые стекла
В сырой парниковой земле,
Идет она с алою свеклой
В кумачном своем подоле.

У ней золотые веснушки,
Чумазый малиновый рот,
А голос могучий частушки
Часами под вечер орет.

Она нанялась от Петровок
Полоть, поливать и копать,
Чтоб после желанных обновок —
Гребней и монист закупать.

Копает. А в лаз загородки
К ней скачет шальная коза,
И в алой висит косоплетке
Зари золотая коса.

СОЛДАТКА

Околица. В редкие листья
Блится заката орех.
Шубейки пушистые лисьи...
Грудной замирающий смех...

Желтея платочным узором,
Стоит в хороводе она,
Пригожая, с ласковым взором,
Во всех молодцов влюблена.

В щеках ее розовых – ямки.
Две родинки темных – у плеч.
Как сладко жует она жамки!
Как жарко умеет прилечь!

Лишь утром у милого просит
Объятий и нежных речей,
А вечером милого бросит —
И снова гуляет ничьей.

Гуляет. Лиса молодая
В деревню крадется за ней,
И месяца яблочко, тая,
Сверкает меж голых ветвей.

БОГОМОЛКА

Матери

Обитель. Небесная чаша
Водой голубою полна.
За трапезой – рыба и каша...
За службою – чин, тишина...

У церкви, вздыхая негромко,
Вся в яблонных вялых цветах
Сидит она с белой котомкой,
Прямая, немая, в летах.

Лицо у ней в крупных рябинах,
Но тонок и правилен нос,
В очах же ее голубиных —
Озера непролитых слез.

Она родилась в бездолье,
Как выдали – бил ее муж,
Под старость ушла в богомолье

Меж стариц, слепых и кликуш.

Вздыхает. В дали освещенной
Овца монастырская спит,
И солнышка хлеб освященный
На блюде небесном лежит.

ЗНАХАРКА

Погост. Пролетают пугливо
Златистые крылья зарниц.
Кресты и дуплистые ивы...
Унылое уханье птиц...

Не зная ночами покою,
Она из села приплелась,
Горбатая, с толстой клюкою,
С огнями зелеными глаз.

Ее голова уж трясется,
В лице – бородавок не счесть.
Она корешком запасется
И будет давать его есть.

От грыж, огневиц и трясавиц,
Для чар, приворотов и ков,
Испортит румяных красавиц,

Отравит седых стариков.

Сбирает. К ней старая кошка
Прижалась острым ребром,
И скрылась Жар-птица сторожо,
Махнув золотистым пером.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

ПУЧЕШНИКИ

А. М. Еришовой

С первую почкой уходят пучешники
Частые чистить леса.
Лапти их мнут голубые подснежники,
Птицу страшат голоса.

Серые сучья и ветви лиловые
Режут и вяжут они.
Рубятся ими подседы еловые,
Ими корчуются пни.

Хмуры, косматы, платками обвязаны
От мошканы, комаров,
К людям идут они в час непоказанный:
В мшистых землянках – их кров.

Девки их злые, в любви неотвязные,
Только стройны, как одна.
В красных царапинах руки их грязные,
Плечи блестят из рядна.

День весь, как лешие, возьятся в зелени,
Курят махорку, молчат.
В сумерки валяются сразу под ель они —
В смольный лазоревый чад.

Рядом с жучком, муравьем, долгоносиком
С храпом могучим заснут...
Новая поросль пробьется по просекам,
Выводки с гнезд упорхнут.

ПЛОТОВЩИКИ

С полой водою реками бурливыми
Тянутся плотовщики.
Плеса чертят золотыми извивами,
Рыбу сгоняют в пески.

Старые сосны с стволиною розовой
Рушат они у воды.
Ржавой скобою и вицей березовой
Шумно сбивают в плоты.

После несутся ватагою сплоченной
Вдоль поворотов речных —
Рыжие, ражие, вечно промочены
В алых рубахах своих.

Бабы у них молодые, гулливые,
Телом крепки и толсты.
В темном загаре их лица красивые,
В ярких заплатах холсты.

Днем, платомоями да кашеварами,
Все они держатся врозь.
Вечером сходятся с ласками ярыми,
Любятя с тем, с кем пришлось.

Вслед за баржами, белянами, сплавами
Тихо на-низ уплывут...
Под городищами золотоглавыми
Стерляди вновь заживут.

БАРЫШНИКИ

Грязью осенней цыгане-барышники
К ярмаркам конным спешат.
Гнут золотые во рвах боярышники,
Малых пугают ребят.

В городе ловко снуют меж телегами,
В зубы глядят всем коням,
Сами торгуют гнедыми и пегими,
Клянчат и бьют по рукам.

Шельмы и воры они превеликие:
Им до тюрьмы два шага!
В синих кафтанах, кудрявые, дикие,
Медная в ухе серьга.

Дочери их до подарков охочие,
А на подбор хороши.
На худощавых плечах – узорочие,
В спутанных косах – гроши.

Утром шныряют они все по площади —
Людям отводят глаза.
Ночью на кровной украденной лошади
В черные мчатся леса.

Вдаль, конюхами, певцами, гадалками,
Канут, как вихорь летя...
Огненный дрогнет орешник над балками,
В люльке задремлет дитя.

ТОРГОВЦЫ

Летом, под праздник, торговцы со спешкою
В села большие трусят.
Пыль поднимают скрипучей тележкой,
Шавок на улице злят.

Быстро раскинут лавчонки с палатками,
Вынут коробья, лотки —
И продают леденцы с мармеладками,
Гребни, книжонки, платки.

Все они – бойкие, все – плутоватые,
С шуткой торгуют, с божбой.
Возле обветренных шей – розоватые
Шарфы с каймой голубой.

Женщины, те – пожилые, речистые.
Ссорятся – слышно кругом!
На головах – полушалки цветистые,
С клеткой, с разводом, с глазком.

Утром, под звоны крича колокольные,
Тянут они пятаки.
Вечером, выбрав дороги окольные,
В тайные едут шинки.

Вместе с китайцами, вместе с татарами,
В пыльной дали пропадут...
Девки расстанутся с платьями старыми,
Шавки в собашник уйдут.

КУСТАРИ

Зимней порой, над станками и станами
Гнутся, тудясь, кустари.
Шорхом пугают сверчков с тараканами,
Застят полоску зари.

Мирно садятся они под окошками,
Точат, малюют, лощат —
И сине-алыми чашками, плошками
Пол уставляют подряд.

Дети они и художники истые:
Грезят меж чурок и щеп! —
Серые очи и кудри златистые,
Словно невыжатый хлеб.
Сестры их – к Богу радивые, грустные,
Белы, приятны лицом.
Их кружева и прошивки – искусные:
Змейкой, решеткой, зубцом.

С раннего утра они за работою
Все, напевая, корпят.
К ночи, борясь с неотвязной дремотою,
Книжки читают, не спят.

Вот соберутся с своими изделиями

В ближний богатый посад...
В избах повиснут лучи ожерельями,
В печках сверчки закричат.

БАТРАКИ

С первою птахой бредут по именьям
С дальних сторон батраки.
Кочетов дразнят нестройным галдением,
Тонкие топчут ростки.

Долго толкуют они с управляющим,
Чешут в затылках своих —
И подымают под солнцем пылающим
Новь средь пустынь полевых.

Рослые, русые, с голоду рьяные,
Рвут они с корнями куст
И под сермяжины темные, драные
Прячут от ужина кус.

Жены у них зачастую – тяжелые,
А на работе сильны.
В клетчатых плахах их бедра дебелие,
Косы в повой убраны.

С сеялкой, с веялкой, в хлеве и в коннике

Бьются они день-деньской,
А на закате под визги гармоники
Пляшут, толпясь у людской.

В глушь с паспортами своими помятыми
Сызнова сгинут потом...
Двор зарябит золотыми цыплятами,
Рига прожолкнет зерном.

ГУРТОВЩИКИ

С первую травкой степями зелеными
Двигутся гуртовщики.
Путь отмечают кострами спаленными,
Хлещут кнутами цветки.

Белых волов меж баранами белыми
Гонят они пред собой —
Кормят и холят неделями целыми
И продают на убой.

Нравом ленивые, взором лукавые,
Все они в гурте дружны.
В грешниках – кудри седые, чернявые,
А на плечах – зипуны.

Девки их бойкие, с длинными косами,

Иволг голос звончей!
Дома – глядят за свиньями поросыми,
Серых гоняют гусей.

В полдень они, оводами облеплены,
Спят под курганом седым,
В полночь сидят у разложенной теплины,
Тихо толкуя сквозь дым.
Вовремя мясом, живьем и овчинкою
Прасолам сбудут весь скот...
Путь огласится унылой волынкою,
Сзади – подсолнух взойдет.

КОСЦЫ

С жаркой погодой артелью шумливую
Ходят по мызам косцы.
Тешат работниц насмешкой шутливою,
Гладят коровам крестцы.

Если наймутся, копаются с косами,
Точат, о камень их бьют —
И над кошницами голуборосыми
Машут рукой да поют.

Сильные станом, ухваткой удалые,
Всё они могут – гурьбой!

К спинам прилипли рубахи линялые,
Взгляды сверкают гульбой.

Бабы у них озорные, веселые:
Каждому скажут словцо.
Смуглы их шеи, у ворота голые,
Груды ж белы, как яйцо.

Траву медовую, желто-лиловую
Валят они поутру,
В копнах с бутылкою красноголовою
Лихо куют ввечеру.

Вот зашагают – далече – за ледником
К мызам другим, на восток...
Вытрут работницы слезы передником,
Встанет лазоревый стог.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Михаилу С.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

1

В синий день, лучистый, теплый, вешний
Приглянулись они друг дружке.
Снежно вяли вишни и черешни,
Нежно ныли славки и кукушки.

Он – веселый, темноглазый, рослый.
Кудри черные картуз не сгладит!
Коль рыбачить – ночью тащит весла,
Коль пахать – сошник с рассвета ладит.

А она – бела, золотокоса,
Икры полные не скроет юбка!
Коли прясть – как совка, смотрит косо,
Коли петь – воркует, как голубка.

В этот день по заливному долу

Он, отсеяв, шел и пел уныло,
А она корову с новотелу
Там же лишь усердно отдоила.

Встретясь, поклонилися несмело,
Разойдясь же, долго вслед глядели:
У нее лицо вдруг поалело,
У него вдруг очи потемнели.

А потом она забыла крынки,
Он забыл и бороны и сохи.
Не едят – глотают по крупинке,
И не спят – удерживают вздохи.

И кругом – на иве, на осине
Грезили влюбленные пичужки...
В вешний день – лучистый, теплый, синий
Приглянулись они друг дружке.

2

В красный день, горячий – летний – длинный
Полюбились они друг дружке.
Спели куманика и малина,
Тонко пели комары и мушки.

Он – могучий, загорелый, потный,

Засучив порты поверх колена,
Вывозил дорогою болотной
Серебристое сухое сено.

А она – стомленная, босая,
Низко сдвинув на глаза платочек,
Собирала, в бурачок бросая,
Огненные ягоды меж кочек.

Отговариваясь усталю и спешкой,
Подвезти она вдруг попросила.
С ласковой и грозною усмешкой
Он кивнул и на воз поднял с силой.

Там шутя, застенчиво и грубо,
Сразу обнял в пышной, душной груди.
Целовал малиновые губы,
Трогал круглые девичьи груди.

А потом они встречались часто
За дремливой, золотистой рожью,
Обнимаясь до луны глазастой
С пылким шепотом, с стыдливой дрожью.
И кругом – в игре простой и страстной
Реяли по воздуху толкушки...
В летний день – горячий, длинный, красный
Полюбились они друг дружке.

В день прохладный, золотой, осенний
Вдруг присватались они друг к дружке.
Прели груши с яблоками в сене,
Зажирели куры и индюшки.

Он – красивый, говорливый, трезвый,
В ярко-синей, новенькой поддевке,
К ней приехал на кобылке резвой,
С ним: отец, кума и дружка ловкий.

А она – румяная, немая,
В баске ярко-розовой и узкой,
Потчевала, глаз не поднимая,
Чаем, водкой, пирогом, закуской.

Все степенно длили чаепитье,
Чинно о приданом говорили.
Наконец взялись за рукобитье —
Образом детей благословили.

Били те поклоны что есть мочи
И при всех впервые целовались —
Потупляли радостные очи,
Рукавами сладко утирались.

А потом, уж женихом с невестой,
Ждали свадьбы, млея и страдая.
В избах желтое месилось тесто
И варилась брага золотая.

И кругом – за курами нескладно
Петухи гонялись в деревушке...
В день осенний – золотой, прохладный
Вдруг присватались они друг к дружке.

4

В белый день, морозный – зимний – колкий
Обвенчались они друг с дружкой.
Под снегами были сосны, елки,
Жили лисы, рыси за опушкой.

Он – кудрявый, ласковый и пьяный,
Расстегнувши ворот свой расшитый,
Поспешил с женою богоданной
Спать улечься на постели взбитой.

А она – пугливая, нагая,
Бережно сложив цветное платье,
От стыда во тьме изнемогая,
Приняла его в свои объятия.

Тут же за кумачной занавеской
Пировали свояки и сваты —
Пели песни деверья с невесткой,
Величался дядя тароватый.

Обдавая духом крепким, винным,
Он пристал к ней с жаркими речами
И над телом белым и невинным
Наклонился смелыми плечами.

А потом они заснули сладко,
В дружных ласках зародивши сына,
Розовела у икон лампадка,
Голубели звезды из-за тына.

И кругом – в земле залубенелой
В норах, логах спал зверек с зверюшкой...
В зимний день – морозный, колкий, белый
Обвенчались они друг с дружкой.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЗАБАВЫ

Милому сыну

КАЧЕЛИ

Ю. А. Бунину

На высокие качели
Девки рядышком насели —
И летают впятером
В поднебесье голубом.

Ширят розовые губы,
Молодые скалят зубы,
Кажут десять смуглых пят
И узывчиво вопят.

Две из них, зажмуря очи,
Изо всей девичьей мочи
Доску кверху поддают
Под певучий скрип и гуд.

Ноги голые согнуты,
Юбки алые раздуты,

И меж их – бумажных роз
Вьются ленты русых кос.

А вокруг – ни туч, ни зною,
Лишь сквозной голубизною
Веет воздух с двух сторон
Да малиновый трезвон.

Плещут сказочные птицы —
И веснушчатые лица
И шальные голоса
Взвеселили небеса.

СТЕНКА

На лужайке, в полдень жгучий
Парни сгрудилися кучей —
И стоят, как две стены,
Веселы и озлены.

Кулаками зря махают,
Вражью силу гордо хают
И с гулливой похвальбой
В шаловливый рвутся бой.

Прежде сцепятся мальчишки
И друг другу ставят шишки,

После сходятся, горя,
Два кудрявых главаря.

Удальски рукав засучен,
Ус их ухарски закручен,
Блещет козырь вырезной
Да скрипит сапог смазной.

А потом уж в рукопашной
Стенка стенку мнет бесстрашно —
И ложатся вкруг цветы,
И желты, и золоты.

Развязавши опояски,
Растерявши шапки в таске,
Бьется рать богатырей
Средь зеленых пустырей.

ГОРОДКИ

На пустынном перекрестке
Собрались, галдя, подростки —
И играют в городки,
Загорелы и ловки.

Метясь, щурят глаз подбитый,
Изловчась, швыряют биты

И, в чужой потрафя кон,
Вышибают рюху вон.

Два из них, держась поодаль, —
Атаманы ль, воеводы ль, —
Бьют без промаху подряд,
Деревянный сыпя град.

У обоих лик чумазый,
Вороватый, быстроглазый,
Ноги голые стройны
И разодраны штаны.

Вкруг их – гибкие березки,
Что ломают им на розги,
Посвист тонкий ястребят
Да златистый листопад.

Целый день в веселье диком
Разрушает с гиком, криком
Тесовые города
Смуглорожая орда.

ПЛЯСКА

У трактира, в день воскресный,
Средь толпы народа тесной

Лихо пляшут трепака
Два гулливых мужика.

Этот – черный, этот – рыжий,
Тот – повыше, тот – пониже,
Оба ходят мастерски —
Вместе пятки, врозь носки.

Друг пред другом встанут важно,
Выйдут в очередь, вальяжно —
И несется дробный топ
Из-под крепких тяжких стоп.

Красны лица от старанья,
Мокры кудри их бараньи,
Стоптан кованный каблук,
Сброшен наземь архалук.

А кругом народ теснится
В кумаче, рядне и ситце,
Ветер розовый пылит
Да гармоника пилит.

Скачут рядом в вихре пляса
Два веселых китовраса,
Потрясая бородой,
Вороной да золотой.

КРУЖАЛО

На широкое кружало
Молодежь, смеясь, сбежала,
Чтоб носиться чередом
Над речным хрустальным льдом.

Запыхалась с разбегу,
Навалилась вся на слегу —
И ворочает кругом
Легкий короб с скользким дном.
Обмирают молодежи,
Трусят шибко раскатиться —
И звенит их нежный визг
Из алмазных снежных брызг.

А молодчики хохочут,
Сами вывалить хлопочут —
И летит за клубом клуб
Из раскрытых алых губ.

Вкруг их – белые сугробы,
Словно хлебы пышной сдобы,
След затейливый от лыж
Да серебряная тишь.

Мчат красавиц от Кашея

Женихи ветров быстрее —
И чертит их самолет
Отливной хрустальный лед.

ДЕРЕВЕНСКИЕ СВЯТЫЕ

ЕГОРИЙ

И. А. Белоусову

Розовые зори,
Голубые воды
В небе разгораются,
В озере играют,

Едет свет-Егорий,
Юный, безбородый,
На луга покатые,
За скотину ратуя.

Куяком одетый,
Весь он серебрится.
Конь же – белый, шелковый,
С золотистой холкою.

Взоры его – цветы,
Кудри его – птицы
На долины падают,
Девье сердце радуют.

Скачет он в поселки,
Городки, слободки,
И бегут по улице
За булатной сулицей.

Козы, овцы, телки.
Девки и молодки,
Застыдьясь, сторонятся,
В пояс низко клонятся.

И стоят у взгорий
Смуглые подпаски,
Знахари косматые,
Причты бородатые.

– Здравствуй, свет-Егорий!
Ждем мы вешней ласки.
Мчись, улыбкой алою
Мир крещеный жалуя.

ПАРАСКЕВА-ПЯТНИЦА

Красная сморода,
Белая рассада
В пустыре ухожены,
Крепко огорожены.

Полет огорода,
Соблюдает гряды
Параскева-Пятница —
За работниц ратница.

В шелковой запаске,
В очипке жемчужном,
Стопы ж необутые,
Льнет трава к ним, путая.

Очи полны ласки
К девкам и замужним,
Плещут руки белые,
Бабье дело делаю.

Вскинет, сбыв работу,
Грабли золотые —
Затеваает, кликая,
Игрище великое.

И кружат без счету
Люди холостые
Вслед ей хороводами
Между огородами.

А среди пригрева
Тещи да свекрови,
Матери со сватьями

Ждут, пестрея платьями.

Лада-Параскева,
Дай почин любви!
Обрати же, милуя,
Ты лицо к нам милое.

ВЛАСИЙ

Желтая пшеница
С рожью золотою
Колосятся, росятся —
В сноп кудрявый просятся.

Русый, круглолицый,
С пышной бородою,
Сам подобен тополю,
Ходит Власий по полю.

Белая рубашка,
А порты цветные
И парчой залатаны,
В сапожки запрятаны.

Ставит над запашкой
Вехи огневые —
Молоньи ли, зори ли, —

Чтоб жнецы не вздорили.

И под месяц новый —
Серп его серебрёный —
Люди собираются,
Хлеб убрать стараются.

Зипуны, понёвы,
Крашены, синёны,
Гнутся в яри, в озими,
Перед ним же доземи.

Бабы, затомяся,
Идут васильками,
А мужья и девери
Едут с возом в клевере.

Ой, кормилец – Власий!
Белыми руками
Полни риги старые,
Урожай нам даруя.

БОГОРОДИЦА

Брату

Алые рябины,

Серые ракиты
Ронят листья в озеро,
Мочат ветки досыра.

В травке, у тропины,
Плат держа защитый,
Села Богородица —
Шьет, как не погодится.

В синем холодае,
В розовом убрусе,
С длинными косицами,
С долгими ресницами,

Шьет она, гадая
Да скорбя о Руси —
О полях с ложбинами,
О болях с кручинами.

И слеза из ока
Камнем бирюзовым
Непрестанно топится,
На атласе копится.

Вот взмахнет широко
Голубым покровом
С золотными коймами —
И в селе за поймами

Старый – с домовиной,
С колыбелью – малый,
Нищий странник – с ужином,
А невеста – с суженым.

Взор свой голубиный
Ты о нас печалуй,
Мати-Богородица!
Худо нам приходится.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

СОЛДАТ

С. Самцову

Из России многохлебной
Вглубь Галиции волшебной
Он, упорный, зашагал,
Молодой, широкоскулый,
Рослый, сильный, как Микула,
Меж рядов – как серый вал.

Сзади – бороны и сохи,
Жены ласковые, снохи,
Впереди – быть может, смерть...
Рокот ружей, грохот пушек
Возле гор, лесных опушек.
Что же: ляг да глазом смерть!

Притаится за окопом.
Миг – и рвется грозным скопом
К месту вражеских твердынь, —
И разит штыком сверкучим,
И опять ползет по кручам

В царство яблоков и дынь.

Так иди, солдат, и ратай,
И воюй нам край богатый,
Чтоб твоей Руси родной,
Белой, Малой и Великой,
Как семье единоликой,
Быть с Червонной воодно!

КАЗАК

Н. А. Архипову

От цветных степей донецких
Вглубь седых болот немецких
Он, удалый, поскакал,
На коне гнедом поджаром,
С ликом темным, юным, ярим,
Обнажив зубов оскал.

Здесь – цветов веселых звезды,
Шутки шумные разъезда,
Там, вдали – Бог знает что...
Не засада ль ямы волчьей?
Не застава ль пашек кольче?
Всё равно: ему ништо!

Рыщет влево, рыщет вправо.
Гик – и гонит буйной лавой
Перепуганных врагов, —
Блещет медною серьгою,
Колет смуглою рукою,
Снова гик – и был таков.

Так ширяй, казак, и гикай,
И неси с победной пикой
Вглубь чужих туманных стран
Дух наш орлий, взгляд соколий —
Золотую птицу воли
Из земли молодых славян!

МИЛАЯ

У заставы деревенской
Пред путиною смоленской
С ним прощается она,
В алой клетчатой понёве,
В голубом платке – обнове,
Милолица и юна.

Были дни, что шли в горелках, —
В хороводах, в посиделках —
В встречах ласковых с дружкой.
Будут дни без сна, без смысла,

Веретена, коромысла,
Слезы горькие о нем...

Но она глядит, как краля,
Веселя, а не печалю
Уходящего бойца,
Льнет к плечам суконным грубым,
Льнет к румяным бритым губам
И целует без конца.

Жди же, девица, и помни,
И работай неутомней,
Чтоб, когда весной опять
Зацветет в лугах касатик
И вернется твой солдатик,
С ним победу пировать!

ДЕВИЧЬИ ПЕСНИ

«ГОЛУБОЕ ВИНО...»

Г. Э. Тастевен

Голубое вино —
Небеса по весне.
Золотое руно —
Облака в вышине.
Голубое стекло —
Ручейки в глубине.
Золотое крыло —
Ветерки в тишине.

Голубое вино —
Девья кровь по весне.
Золотое руно —
Девьи косы во сне.
Голубое стекло —
Девьи очи в окне.
Золотое крыло —
Девье сердце в огне.

СРЕТЕНСКАЯ

Аде Чумаченко

Стало розовым белое солнце,
Голубым стало серое небо.
Всё тончает мое веретенце,
Всё меньшают у матери хлебы.
Над избой – кружева ледяные
И воробушков ласковый лепет.
Чую шаткую поступь весны я,
Шею гну, как усталая лебедь...
Стал в веснушках мой лик золотиться,
Груди круглыми, нежными стали —
И в очах две задумчивых птицы
Перелетным крылом замахали.

ВЕЛИКОПОСТНАЯ

Ходит полдень в золоте капели,
Ходит полночь в серебре метели.
Розовые почки на осине,
И на ней же жемчуговый иней.
Сгинул кот мой ласковый украдкой,
Но вернулась под окно касатка,

И пропали зимние печали,
Вешние же – в сердце постучали.
В полдень мы с сестрою в церкви плачем,
В полночь мы лежим во сне горячем —
Лица ясные и сжатые колени,
Под глазами ж – голубые тени.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ

Е. И. Ходневой

Нынче голубь прилетал —
Кроток, весел, бел и мал,
И клевал с моей ладони
Зерна, солнышка червленей.
Я сидела у окна,
Темнокоса и юна,
За работою последней,
Слыша благовест к обедне.
Дед дремал в углу с пилой,
Бабка грезила с иглой,
Я ткала, ткала охотно
Белоснежные полотна.
Нынче юныш приходил,
Худошав, кудряв и мил,
Назывался птицеловом,
Обращался с нежным словом.

Я заснула у окна,
Свежим воздухом пьяна,
С белым голубем у сердца,
А в саду скрипела дверца.

ПАСХАЛЬНАЯ

С. Т. Коненкову

Голубые – в поднебесье – купола
Зачинают всеми звездами блеснуть,
Золотые – в тишине – колокола
Зачинают с перезвонами гудеть.
И расходятся по зелени лугов
Бирюзовая студеная вода,
Песни девичьих высоких голосов
И овечьи, и гусиные стада.
Зачинаю в хороводе я ходить,
Плат мой – белый, синий, синий – сарафан,
Зачинает меня юныш мой любить,
Ликом светел, духом буен, силой пьян.
На лице моем святая красота
Рассветает жарким розовым лучом,
А по телу молодая могога
Разливается лазоревым ручьем!

РАДОНИЦКАЯ

Дела творятся вешние:
Высокие скворешники
В поднёбесье поют,
И синие подснежники
В проталинах цветут,
И все коровы телятся
На солнечных дворах,
И под землей шевелятся
Родители в гробах.

Свое я дело сделаю:
Теленка неумелого
Я с пальца напою,
И с блеском зуба белого
Веснянку пропою,
И дам глаза неясные
Лазоревым глазам
И губы еле красные —
Малиновым губам!

НИКОЛЬСКАЯ

А. А. Смирнову

Золоты на небе грозы,
Зелены в полях березы.
В небе мечется скворец,
В поле трудится отец.
От дождей – весна скорее,
От трудов – земля щедрее,
Под листвой – гнезду милей,
С пеньем – людям веселей.

Проливные ливни льются,
Золотое в них пшено.
Молодые листья вьются,
В них зеленое вино.

Золоты мои косицы,
Зелен взор мой сквозь ресницы,
Я бегу за бороной,
Жеребенок вслед за мной.

От лучей смуглеют локти,
От земли чернеют ногти,
За работой стан растет,
С ростом сердце друга ждет.

Волоса густые вьются,
Золотое в них пшено.
Взоры ласковые льются,
В них зеленое вино.

ТРОИЦКАЯ

М. И. Серебряковой

День всё длинней и длинней,
Яблонный сад всё белей —
Словно в раю мы живем
В чистой избе за плетнем.
Вечером нет в ней огня,
Утром – работ для меня:
Хлеб золотой испечен,
Соткан серебряный лен.
Мышки из щели ушли,
Замуж подруг повели.

Мне лишь одной всё гулять —
Девьей судьбы своей ждать.

Лик мой бледней и бледней,
Веки мои всё томней —
Словно для райского сна
Их закрывает весна.
Жду я одна у плетня:
Милого нет у меня.
Руки без дел так нежны,
Очи от снов зелены,

Тело дрожит от стыда,
Юныш мне снится всегда.

Мне лишь его подождать —
Всю и навек себя дать.

РУСАЛЬНАЯ

Аделаиде Герцик

Слышен часто чудный шорох
В светлых вешних вечерах:
Окунь в розовых озерах,
А карась – плывет – в прудах.

Виден часто чудный трепет
В светлых вешних вечерах:
В голубых болотах стрепет,
А глухарь – летит – в лесах.

Ночью дичь стреляют братья,
Удят вечером зятя.
Дома – ситцевое платье
Тихо скидываю я.

Слышен часто чудный шорох
По весне в моих дверях:

Милый ходит в лаптях скорых,
С ветерком в золотых кудрях.

Виден часто трепет чудный
По весне в моем окне:
Милый в горнице безлюдной
Поцелуй дарит мне.

Ночью дичь стреляют братья,
Удят вечером зятя.
Дома – нежные объятья
Раскрываю другу я.

КУПАЛЬСКАЯ

А. Т. Гречанинову

Подходит время летнее —
И песни уж последние:
Малиновка молчит,
Кукушка не кричит.
Над тонкими нашестами
Под солнцем и под звездами
Лишь кочеты поют
И здесь, и там, и тут!

Подходит время летнее —

Уж вью цветные плетни я
И два венка из них:
Есть у меня жених.
Теперь уж я просватана,
Коса почти припрятана,
Поет лишь голос мой,
Что кочет молодой!

Но песня та последняя:
Уйду в село соседнее.

ЛАЗОРЕВЫЙ ОСТРОВ

4-я книга стихов

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

(сонет - акrostих)

Мне подарён тобой улыбчивый Гермес, —
И на столе моем, где было строго-пусто,
Холодной белизной сияет контур бюста,
А сзади зыблется, как небо, синь завес...

И я, любуюся на дивный глаз разрез,
Ленивый ток кудрей, свивающихся густо,
Узвнейший изгиб улыбки тонкоустой, —
Со всей тоской хочу, чтоб древний мир воскрес!

Тогда, о чудо! бог лукавый оживает:
Очами поводя, и дышит, и играет
Лицо, что изваял Праксителев резец.

И видится мне в нем уж лик иной, знакомый,
Цветущий прелестью, презреньем и истомой, —
Античной юности оживший образец!

ЧАСТЬ I НА ЗЕМЛЕ

ЖИЗНЬ

О, жизнь! Ты – море, море южное,
Где роковая синева
И где кораллово-жемчужные
Любви счастливой острова.

К ним после бури и крушения
Меня вдруг вынесло волной...
Сверкнуло канареек пение,
Пахнул земной, зеленый зной!

И долго, до смерти усталая,
Я между раковин спала.
Когда ж, пошатываясь, встала я, —
То друга в двух шагах нашла!

Как я, дитя почти погибшее,
Раскинулся он на песке —
Сорочка на груди прилипшая,
Сапфирный перстень на руке...

И кудри черные я выжала,
Я отогрела бледный рот!
Чтоб полюбить опять, я выжила!
Чтоб полюбить, – он не умрет!

О, жизнь! Мой бедный челн раскалывай,
Мой беззащитный парус рви! —
Лишь быть бы на земле коралловой,
На малом острове любви!

НАДЕЖДА

Несусь всё далее и далее...
Оборван парус, сломан руль,
Изношен плащ мой и сандалии...
Надежда! Мыс твой обрету ль?

Мчусь меж жемчужными моллюсками,
Средь мертвых радужных медуз —
И к землям мостиками узкими,
Увы! должно быть, не спущусь...

А может быть, на крепком якоре
У берега я стану вдруг —
И виноградари и пахари
Меня в веселый примут круг?

Забуду опыты я кормчие
И путь мужской свой, может быть,
И буду петь всех звонче, громче я
И всех сильней, нежней любить!

Дни будут новые, безгрозные,
Иные – женские – труды,
И кисти розовые гроздные
Мне подарят людей сады.

Быть может, в их ограде каменной
В час полуденный огневой
Придет и Он, благой и пламенный, —
И закричу ему: Эвой!

К САФО

сафическая строфа

Золотая Сафо, царица песни!
Пламенная Сафо, любви царица!
Как перед тобою малы, ничтожны
Мы – поэтессы...

Стройно ты льняную носила столу,
Стройно с черепаховой пела лирой, —
И тебе, казалось, сама Эрато

Строила струны!

Слаб наш голос женский, персты не гибки,
Мы не носим столы, венков и фибул,
Не умеем петь и любить не смеем,
Жить не дерзаем!

Но прости, великая, тайный помысл:
На тебя желала бы походить я
И, пускай не равной! хотя б подобной
В свитках остаться...

Как и ты, я славлю лишь жизнь и землю,
Загорелых юношей, дев румяных,
Розовую розу и грозд лазурный,
Встречи и свадьбы.

Как и ты, богам я молюсь усердно
И живу, не злобясь, умру, не старясь,
Человека радуя песней тихой,
Песней любовной...

Но пробьет мой час, но придет Фаон мой, —
И, как ты, погибну в блаженном горе —
В море малахитово-бирюзовом,
Кану я в вечность...

МОЯ МУЗА

сафическая строфа

Раз, когда на празднике песнь я пела,
Юная ступила ко мне подруга
И спросила голосом любопытным,
Взором лукавым:

«Кто же эта муза, о поэтесса,
Что тебя на пение вдохновляет? —
Не златоволосая ль Каллиопа
С стилосом четким?»

Или белокурая то Эвтерпа
В светловейной тунике, с томной флейтой?
Иль Эрато русая, в розах росных,
С страстной кифарой?»

На вопрос наивный я отвечала,
Лиру отложивши и улыбнувшись:
«Муза эта, девушка, не с Олимпа,
Не с Геликона!»

Муза эта, знай же! не из бессмертных,
Хоть и выше нас с тобой легким станом...
Не из дев та Муза, хоть всех нас краше

Ликом прелестным!

Кудри ее коротки, ярко-черны,
По-мужски не собраны и не свиты,
Щеки же смуглы и покрыты пухом
Так не по-женски!

Ах! она, безмолвная, просит гимна...
Ах! она, бескрылая, ввысь уносит...
Знать ее желаешь – ищи прилежно
Здесь, между нами:

Между милых отроков, льющих вина,
Между нежных юношей, вина пьющих...
Угадаешь верно – тотчас сознаюсь:
Вот моя муза!»

ВДОХНОВЕНИЕ *сафическая строфа*

В жизни обычной – дневной, вечерней —
Находясь меж девушек или женщин,
Не кажусь, увы! я от них отличной,
Их я не выше!

Так же слишком пышны мои одежды,

Чересчур роскошны мои прически,
Та же их двусмысленная улыбка,
Взор их лукавый...

Но наступит ночь – и всю ложь я скину,
Как свои сандалии алой кожи,
Как свои перловые ожерелья, —
Стану иною.

Сходит на меня, облиставши очи,
Опахнувши грудь и чело овеяв,
Всколебав мой слух, взволновав уста мне,
Дух песнопенья!

И летят стихов моих новых рифмы,
Словно стая горлинок голубая,
Что, гурля любовно, воркуя дружно,
Вьется меж облак...

И цветут метафоры их живые,
Словно маков розовых сев весенний,
Что, всходя легко, распускаясь ярко,
Тянется к солнцу...

Вот тогда, увенчана и крылата,
Я не схожа с женщинами другими:
Их, земных, тобою я превышаю,
О вдохновенье!

ГИМН ВЕСНЕ

сафическая строфа

Нежная пособница всем поэтам!
Пылкая помощница всем влюбленным!
О, весна, улыбчивейшая Ора,
Снова пришла ты!

В голубом хитоне, раскрытом ветром,
В розовой хламиде, развитой летом,
Принеслась на крыльях ты журавлиных
В ивовой верше.

И теперь в лугах мотыльки порхают,
Словно облетающий желтый лютик,
И, как мотылек золотой уставший,
Лютики никнут...

И теперь все девушки – с милым другом,
Я одна лишь с милой блуждаю лирой,
Ибо нет отзывчивей и вернее
Этого друга!

Выскажет звенящая всё томленье,
Весь стыдливый трепет, душой таимый,
И твое над нею очарованье

Смерти сильнее...

Ты ж мне дай венок не из роз цветущих —
Из неувыдаемых иммортелей, —
Пусть другим даруется знать блаженство,
Мне же – бессмертье!

ПРОЩАНИЕ С ВОИНОМ *сафическая строфа*

Посвящается брату

Небо голубело так благосклонно,
Так сияло солнце!.. А я прощалась
С ним, моим единственным юным братом,
В бой уходящим.

Шел со мной он ровным военным шагом,
Кортиком блестя и бряцая мерно,
Бодро лик обветренный улыбался,
Очи ж грустили...

Как его потом я к груди прижала!
Обвила руками! Никто б не отнял...
Но скрепила сердце, сдержала слезы.
Так мы расстались.

С кем теперь я буду в саду отцовском
Синие подснежники рвать весною?
С кем я буду осенью собирать там
Желтые груши?

И кому печали свои поверю?
И кому открою свои восторги?
Нет его, нежнейшего друга детства,
Больше: всей жизни!

Но живет меня золотая вера,
Что услышит небо мои моления, —
Что для нас, родных и душой, и телом,
Будет свиданье!

И, когда под дуб, что посажен дедом,
Снова сядем мы, как детьми сидели,
Слезы, что сдержала теперь, пролью я,
Но уж от счастья...

ВЕЧНАЯ ЮНОШЕСТВЕННОСТЬ

Безмятежно, несмутимо
Ты прошел однажды мимо —
Непорочный и немудрый,
Лучше самой лучшей грезы.

Ах. Плечо крутое крыли
Голубые перья крылий,
Над главою синекудрой
Бились розовые розы...

Или это мне казалось...
Пальма, веясь, колебалась,
Колыхалось море, пенясь, —
Было всё подобно раю.

Шел ли ты на пляж купаться,
Иль на мол в челне качаться,
Или в парк резвиться в теннис —
Я не знала и не знаю.

Я лишь вслед тебе глядела,
Силуэт следя твой белый,
Пред тобой благоговя
И тебя благословляя...

Образ Юноши. Ты вечен,
Ты в душе живешь, как встречен, —
Мчашим, розой в беге вея,
Крылья к лёту расправляя.

НАКСОС

Остров южный краснолиственный
Принял лодки утлый остов,
И меня в тоске убийственной
Виноградный принял остров.

Воздух, море – всё эмалево,
Всё полно небесной сини...
Здесь, душа моя, замаливай
Грех тягчайший – грех уныний.

Солнце, почва – так всё палево,
Так полно огня земного...
Здесь, душа моя, опаливай
Край крыла любовью новой.

Ибо здесь живет тот юноша,
Что мелькнул раз предо мною,
Знойным ветром в лик мой дунувши
И гвоздикой огневою:

Был в одежде он фланелевой,
В золотящейся панаме...
О, Эрот, порхай, постреливай,
Чтоб любовь была меж нами.

Чтоб стрела пронзила юноше
Светло-бронзовые перси,
Чтоб пришел ко мне, осунувшись,
И сказал: «Люби и вверься».

Вот тогда с лобзаньем смешанный
Виноград вкушу пунцовый, —
И душе моей утешенной
Будет остров – Наксос новый.

ОСЕНЬ

Алкеева строфа

Вдвоем вступили мы в виноградный сад —
Идем аллеей золотолистых лоз, —
И грозд зеленый, алый, черный
Виснет у плеч, задевает кудри.

Толпа работниц полнит корзины нам
Агатом сладким, яхонтом, ониксом, —
Шатка их поступь, голос резок,
В спутанных косах – сухие листья.

Вдали круглится матовый неба свод,
И в нем, пурпурный, густо течет закат,
Как в терракотовой амфоре

Винный запас, что с водой не смешан...

Как запах терпок, трепетен шорох трав! —
То в желтой хлене, тихо влачащейся,
Проходишь ты, богиня Осень,
Сладко пьяня и светло безумя.

О, не вернулся ль к нам Дионисий век?
И не мэнады ль — эти все девушки?
А он, мой спутник, странный, стройный,
Не сам ли Вакх, Ариадны милый?

Он только глянет — в сердце стихает боль...
Он улыбнется — и утешение...
Целует он — и ярый пламень
В кровь проливает фиал тот алый.

БОЖОК

Ты весь — во времени микенском,
Ты весь — в доэллинской стране.
В твоём лице, мужском и женском,
Вскрываются их тайны мне.

Твои улыбчивые губы
Смеются смехом божества,
А кисти рук красиво-грубы,

Как у лесного существа.

Твой стан по-юношески гладок,
Не мускулист, хоть и силен,
Но множеством кудрявых прядок
Твой лоб по-девы обрамлен.

И дух твой в чудном разделенье:
Порой ты свят, порой ты пьян,
То золотой овечьим ленью,
То светлым буйством обаян...

Вот почему, никем не понят,
Блуждаешь ты земной тропой,
Но, если все тебя погонят, —
Пойду с тобой и за тобой.

И ты, безумный, ты, бесстрастный,
Меня признай, ко мне склонись.
Будь мой божок, живой, прекрасный,
Мой архаичный Дионис.

Когда ж мой голос, вольный, дерзкий,
На пеньке будет вдохновен, —
Не Аполлон будь Бельведерский,
Будь мне – Тенейский Аполлон.

БЕЗУМИЕ

Брови бога всё хмурей и хмурей,
А уста всё упрямей, упрямей...
Не валяется он уж на шкуре,
Не играет с своими зверями.

Грустно черная бродит пантера,
Что ласкалась к нему, как голубка,
Тускло медная никнет кратэра —
Не берет из нее он ни кубка.

И поодадь, влюбленная жрица,
Грудь терзаю и волосы рву я:
Бог не хочет ко мне приклониться,
Бог не хочет принять поцелуя.

Чем, когда я его рассердила?
Не улыбкой ли, слишком уж мудрой?
Не любовью ль своей неостылой?
Не красой ли, как грозд, рыжекудрой?

Вен лазурных разрежу я нити,
Я налью ему пурпурной крови, —
Может быть, он не станет сердитей,
Может быть, он не будет суровой...

Нет. Не нужен обет кровожадный:
Нежно стиснуты руки и плечи, —
И блестит над земной Ариадной
Лик слепительный, нечеловечий.

Вновь лежит он на бархатной пуме,
То меня, то пантеру лелея,
Весь светлея от вин и безумий...
Есть ли бог милосердней и злее...

ОН

Для других он лишь английский дэнди,
С кем выдаешься в клубе за ужином.
Для меня ж он – восточный эффенди,
Редким – черным – подобный жемчужинам.

Взор его как печать Солеймана —
Непонятный, огромный, агатовый...
Словно плод, но во дни Рамазана,
Рот нетронутый, полный, гранатовый...

Он встречает меня как эмиры:
Очень важно и очень искательно...
И рукой, где блистают сапфиры,
Он ласкает... О, как обаятельно!

Я целую те руки, те перстни —
И у ног, как рабыня любимая,
Я пою ему тихие песни
Про восточные страны родимые...

Я пою о игривых газелях
И о ласковых маленьких гуриях,
О висячих садах и постелях
В бирюзовой листве и лазури их...

И тогда мы не в серой Европе, —
Мы – в волшебной-пестреющей Азии.
О, пьянящий очей его опий!
О, мои золотые фантазии!

Пусть другие все видят в нем дэнди, —
В глуби сердца я тайну свою ношу:
Вижу я лишь в восточной легенде
Моего несравненного юношу.

ПОРТРЕТ

Он – очень юный, но высокенький,
Прямой и чопорный немного.
В пластроне снежном, смольном смокинге,
Как серафим, он смотрит строго.

Его манит улыбкой женщина —
Идет он мимо непорочным,
А прелесть лика не уменьшена
Ниспавшим локоном полночным.

Ему бросает страстный клич она —
Молчит он, оставаясь чистым,
А тайна лика увеличена
Склоненным взором золотистым...

Он – очень строгий, но молоденький
И томный, трепетный... со мною.
Горит коричневая родинка
Над правой розовой щекою.

Что медлим мы, одним томимые?
В краях, где все как серафимы,
Уже была тобой любима я,
О, мой любимый! Мне родимый!

Моим лобзанием дожизненным
Твой лик, как родинкой, отмечен,
И здесь, на свете уккоризненном,
Роман наш будет свят и вечен.

«ЧУВСТВО РАЗУМОМ НЕ ДЕЛИТСЯ...»

Чувство разумом не делится:

Я люблю тебя всего.

Даже мелочи, безделицы

Из костюма твоего.

Даже утренние галстуки

Мерклых розовых тонов,

Даже пояс для гимнастики

Мягких радужных шелков.

И рубиновые запонки,

И змеиный портсигар,

И жасминовые запахи,

Что таит фиксатуар...

Всё мне мило, всё мне нравится, —

И любуюсь, и любя,

Не к узывчивым красавицам

Так ревную я тебя...

Не к товарищам уветливым

Я тебя ревную, друг,

В час, когда ты шагом медленным —

Весь восторг – в наш входишь круг...

Я боюсь, чтоб не увидели
Лик твой те, кто мудр и сед,
И неволей не похитили
От меня, мой Ганимед.

Ибо ими только ценится
Красота, что так юна,
Да одной былой изменницей,
Что вдруг сделалась верна.

ВСТРЕЧА

В лавке турка, фруктовой и винной,
Я его повстречала случайно.
Был он юный, прекрасный, невинный, —
Полный светлой и сладостной тайны...

Он стоял под листвою вырезною,
Выбрав лучшие в собранных гроздах,
Я ж под тень ту укрылась от зною,
Дав себе меж прогулками роздых.

Розовели с мускатом бутылки,
Голубели с сотерном корзины,
И синели на смуглом затылке

Кудри юноши, черны и длинны.

Я вошла. И стояли мы рядом
С тихим вздохом, с дыханием бурным...
А кругом всё цвело виноградом,
Голубым, золотым и пурпурным.

И тот погреб в селенье убогом
Мнился мне Элевсинским жилищем,
Он же – богом, таинственным богом —
Тем Иакхом, что, девы, мы ищем...

Оттого не забыла донине,
Не забуду и сделавшись старой,
Этот локон я исчерна-синий
На затылке, златом от загара.

ЖЕЛАНИЕ

Я бродила вдоль улочек узких,
Я толкалась на ярких базарах,
Между лиц горбоносых нерусских,
Между кликов гортанных и ярых.

У восточной искательной черни
Покупала я всё, что желала:
Ятаган серебрящейся черни,

Амулет из кровавого лала,

И оранжевой кожи чувяки,
И зеленых шелков покрывало,
И шербетты, и дыни, и маки, —
Что желала, то всё покупала.

Не купилось лишь то, что дарится,
Что желалось всех больше и раньше...
Ах, зачем я не Крыма царица!
Ах, зачем – не Татарии ханша!

Я купила б раба молодого
С грустным взором, темнее агата,
От загара совсем золотого,
Золотого от складок халата.

Был бы он – мой любимый невольник,
Мой возлюбленный телохранитель,
Виночерпий, и спальник, и стольник, —
Господин мой и в негах учитель.

НОЧЬ ИЗ ШАХЕРАЗАДЫ

Мы легли с ним на кровле, нагие,
Влюблены и стыдливы безмерно —
И на ней насладились впервые,

Как в Эдеме своем правоверный.

Сердоликами искрились луны
С черных высей и белых мечетей, —
И свершали мы, стройны и юны,
Что свершали, в полночном их свете.

На коврах персианских, с узором,
Меж арабских, с разводами, шалей
Мы сливались устами и взором,
Мы колени и плечи сближали...

А когда мы забылись близ неба
На хрустальной блаженства вершине,
Нам нежнейшие снились эфебы,
Что ласкали невиннейших джиний.

Мы на кровле той с ним пробудились,
Смущены и счастливы безмерно —
И впервые на ней помолились,
Как на доме своем правоверный.

УТРО ИЗ ШАХЕРАЗАДЫ

Ах, возлюбленный! Уж утро встало...
Уж не видно оникса луны,
А видны уже зари кораллы...

Мы ж неуголенно влюблены.

Много ты вчера со мною скушал
Золотистых ягодок ююб,
Много песен ты со мной прослушал
Птиц буль-буль, звенящих из-за куп...

Долго ты оказывал мне ласки,
Тоньше, сладостней одна другой,
Долго я рассказывала сказки,
Шахразаде равные одной...

Как смешил тебя злосчастный евнух,
Как дивил неистовый эфрит...
В негах еженочных, ежедневных —
Только в них! – нас жизнь теперь манит.

Призовем почтенного же кади
И его свидетелей седых,
Чтобы мне по брачном том обряде
Быть всегда меж милых рук твоих.

Ах, мы влюблены неуголимо...
Но, возлюбленный, слезы не лей, —
Только ночь одну ведь провели мы:
Нам осталась тысяча ночей.

МАГОМЕТОВ РАЙ

Хорошо в прохладном быть гамаме
Молодой любовников чете.
Часто мы бываем там утрами
Вместе, по восточной простоте.

Брызжут и журчат фонтана струи
Пенистым певучим серебром, —
И, друг друга наготой волнуя,
Мы в бассейне мраморном плывем.

Воспринявши сладостную свежесть,
По циновкам тонким мы бежим,
Чтобы, на диванах мягких нежась,
Отдыхать с кальяном голубым.

Покрываемся мы тут неспешно
Пестрыми чалмою и чадрой,
Забавляемся игрой негрешной —
Милою любовною игрой...

Здесь, где мавританские колонны,
Шахматы, диваны и бассейн, —
Милый мой – Анис, араб влюбленный,
Я ж – его возлюбленная, Зейн.

Ах. Когда бы я была Гафизом,
Начертала б, уходя, я стих
Кармазинной вязью по карнизам:
«Человек, есть рай в местах земных».

ГАЗЭЛЛЫ

1

Как солнце, взор твой желто-карий. Моим ты будешь.
Как абрикос, твой лик в загаре. Моим ты будешь.
Я, в первый раз тебя увидев, себе сказала,
Склонясь, как в неизбежной каре: «Моим ты будешь».
С тех пор безумится мой разум, и сердце ноет,
И кровь – в мучительном пожаре... Моим ты будешь.
О, юноша, простой и дивный! О, жемчуг Крыма!
О, цвет старинных трех Татарий! Моим ты будешь.
Тебе подобных нет в Гурзуфе, Бахчисарае,
Да что! и в Карасубазаре... Моим ты будешь.
Пусть я не женщина востока, не дочь ислама,
Не под чадрую, не в изаре, – моим ты будешь...
Ты сам то знаешь, сам бледнеешь, изнемогаешь...
Так подчинись же сладкой чаре. Моим ты будешь.
В саду ночном, с Эдемом схожим, где пальмы скроют,
Где утаит араукарий, – моим ты будешь.

Чуть засверкают звезд смарагды, чуть замерцает
Елей в хрустальном лунном шаре, – моим ты будешь...
Зальются возле нас цикады, взлетят фонтаны
И вспыхнет пурпурный розарий... Моим ты будешь.
Я песни дам тебе и сердце, и даже... губы.
И, мир забыв при этом даре, моим ты будешь...

2

Темно-синий и палевый виноград поспеваает.
Золотой и эмалевый виноград поспеваает.
Эй вы, юноши, с кудрями, что кистям тем подобны,
Все – в сады, что вскопали вы! Виноград поспеваает.
Вы оставьте дома свои, жен унылых, увялых
Под чадрую вуалевой... Виноград поспеваает.
Каждый мчись к винограднику на мажаре ль гремучей,
На челне ли причаливай. Виноград поспеваает...
И, бродя между гроздами, выбирая спелейший,
Пей пьянящий хрусталь его... Виноград поспеваает.
Я ж... Меж вами я выберу... И кто сердцу всех слаще,
Смело взглядом опаливай... Виноград поспеваает.
И приблизься доверчиво... И о страсти ответной
Не проси, не вымаливай. Виноград поспеваает...
Молча рот мой улыбчивый, незакрытый и алый
Поцелуем ужаливай. Виноград поспеваает.
Ну, а тот, кто любил меня и еще так недавно, —
Уаллах! Мне не жаль его... Виноград поспеваает.

Наяву ли, не в мечте ли я коснулся ее руки?
И огонь, и трепет в теле... Я коснулся ее руки.
В ароматном мраке ночи, чтоб домой ей пройти помочь,
В кипарисах, что чернели, я коснулся ее руки.
Как пастух, в игре искусный, не испытанной им еще,
Но отзывчивой свирели, я коснулся ее руки.
Как находчивый охотник им изловленной, неручной,
Но уж ласковой газели, я коснулся ее руки.
Словно путник истомленный серебрёного кувшина
С влагой свежее ущелий, я коснулся ее руки...
Как козленок – ветки вешней, первой лилии – мотылек,
Гибкой удочки – форели, я коснулся ее руки.
Тонкой, нежной, обнаженной, ах! с круглящимся
локотком,
Чьи изгибы холодели, я коснулся ее руки...
То случайно ли свершилось, или сам я того желал,
Иль мы оба захотели, – я коснулся ее руки.
А теперь не сплю ночей я, грежу только лишь об одном:
Ах, когда бы здесь, в постели, я коснулся ее руки!
А потом и уст, и персей, так же пламенно и легко,
Как во мраке еле-еле я коснулся ее руки...

Если я бледна, нема, в том луна лишь виновата.
Если я схожу с ума, в том луна лишь виновата.
Ах! Жалею я почти, что не дева я гарема,
Не Зюлейка, не Фатъма, – в том луна лишь виновата.
В час, когда сгасает день, город сказочно объемлет
Серебрящаяся тьма... В том луна лишь виновата.
Все сады кругом – и мой – как агат и бархат черный,
Как из мрамора дома. В том луна лишь виновата.
Море ж издали шуршит и блистает, как густая
Бисерная бахрома... В том луна лишь виновата...
И стою на кровле я, длиннокошая, босая...
От очей бежит дрема... В том луна лишь виновата.
В мыслях, в сердце – только он, он, чья поступь – бег
газелей,
Лик – янтарная хурма. В том луна лишь виновата...
Если он сейчас придет, – домик мой так отдаленен,
И тропа так непряма, – в том луна лишь виновата.
Если к двери я сбегу, задыхаясь, замирая,
И впущу его сама, в том луна лишь виновата.
Если буду с ним потом я, как эта полночь, пылкой,
Не холодной, как зима, в том луна лишь виновата...
И коль утром средь одежд вдруг окажется мужская
Белоснежная чалма... В том луна лишь виновата.

Словно белый цвет магнолий, мой платок.
Как барашек белый в поле, мой платок.
И любовного желания залог,
И любовной знак неволи – мой платок...
Вот, бери, плясун прекрасный, чьи глаза
Вмиг мне сердце укололи, мой платок.
Но, кружась, за пояс радужный свой спрячь,
Чтобы в бережной был холе мой платок...
Ах!.. Ты вздрогнул... Ты стоишь, за грудь схватясь.
Не с тобою разве боле мой платок?..
Да, ты ищешь, озираясь и клонясь,
И дрожа, как бы от боли, мой платок...
Что там? что там? То не пена ли ручья?
То не горлинки крыло ли?.. Мой платок.
Как ты вьешься, как крадешься и... схватил,
Горд, как ханыч на престоле, мой платок.
А потом к устам пылающим прижал,
Как меня саму давно ли, мой платок...

В МАССАНДРЕ

сонет

Средь черно-сизых хвой, листвы янтарно-карей,
Как зачарованная я, дивясь, иду.
Не собраны ли здесь, в массандровском саду
Растенья странные обоих полушарий.

Вот стрелчатый бамбук, а вот араукарий,
Похожий на морей гигантскую звезду,
И пальмы, вскинувшие веер в высоту,
И пышный, редкостный, так милый мне розарий.

Таким был некогда, должно быть, рай земной.
О, если б Евою, кудрявой и нагой,
Я, любопытная, и в нем, как здесь, блуждала,

Меня бы соблазнил смарагдоокий змей
Не грубым яблоком, блестящим средь ветвей,
А розой тонкою, как рот красавца, алой.

ТАБАК

На пологих холмах, светло-алых, зелено-белесых,
Средь квадратов земли, где взошли уж пшеница и мак,
Молодые татарки в окрашенных охрою косах
В почве странно-кирпичной сажают рядами табак.

Яркий шапочек бархат и бледные чадр их лоскутья,
Лиц шафранный загар и оранжевый цвет их ногтей —

Всё слежу я раздумчиво с пыльных камней перепутья,
В миг, когда мой возница поит у фонтана коней.

Вот сажают, простые, они это пышное нежное зелье, —
А быть может, листов его дым ароматный потом
Я, слагая свой стих, вдохновенного полный веселья,
Выпускать буду тонким, кармином подкрашенным ртом.

ДАФНИС И ЛИКЕНИОН

Под бледной Веспера звездою
Блестя прекрасной смуглотою,
Он гнал стада свои в лугах.
Свирель в устах умелых молкла,
И лютиков гирлянда жолкла
В густых синеющих кудрях.

Кругом под голубые ивы
И серебристые оливы
Брели козлов и коз четы.
О ствол рога их терлись в неге,
Глодали горькие побег
Их влажно-розовые рты.

Дыша благоуханьем женским
И благовоньем митиленским,
Бежала я его тропой,

Слегка коснулася хитоном,
Пощекотала анемоном —
И увлекла, смеясь, с собой.

Он трепетал... И взор свой карий
И тело в золотом загаре
Сближал с моими всё знойней...
В младенческом испуге глянул,
В восторге юношеском прянул —
И спит уж на груди моей...

О, спи! Блаженной нет покоя...
Да, не была я глупой Хлоей,
Презревшей трепеты твои.
Была Ликенион я мудрой, —
И мной тебе, сапфирнокудрий,
Открылись таинства любви.

КЕНТАВР

Пьянили слух созвучья Скрябина,
Как грома дальнего раскат,
А над вершиною Могаби
Навис оранжевый закат.

И нечто странное мне грезилось,
Мне, стывшей в холоде моем,

Мне, утонувшей в сукнах кресел,
Остановившей взгляд на нем.

.....

Казалось, шла я по извилинке
Тропины горной и лесной
К ручью средь лоз, где, горд и силен,
Кентавр пасется вороной.

Вот он. Прекрасный, полный пламени,
Он жадно пьет, втянув бока,
Крутя хвостом, тряся кудрями,
Никем не взнузданный пока.

Я подкралась к нему – и выждала...
Затем, вдруг выступив из куп,
Погладила с лукавством трижды
Ладонью белой темный круп.

И мигом, дерзкая наездница,
Вскочила на спину его,
Чтоб мчаться к высоте и к бездне,
Царя над ним, как божество.

Взвилось и билось в первой гордости
Всё тело юноши-коня,
Но обвила рукою твердой
Строптивейшую шею я.

И лик мечтательный и чувственный
Он обратил, дивясь, назад, —
И полон стал покорной грусти
Невыразимо-светлый взгляд...

Руке той крошечной, украшенной
Блестящим острием ногтей,
Он улыбнулся, тих и страшен,
Но молча подчинился ей.

Сияла высь, зияли пропасти,
Адели лозы, рдела высь, —
А мы, неистовые оба,
Стремглав неслись, неслись, неслись...

.....

Безумили созвучья Скрябина,
Как страсти близящейся яд,
И уловила я ваш рабий
На миг и снова гордый взгляд.

Что ж! В виноградных дебрях Таврии
В закат вот этот золотой
Недаром мчалась на кентавре
Я, опаленная мечтой.

Пусть жжет нас, как героев Гамсуна,
Любовь, похожая на гнев,
Ее усладам я отдамся,

Надменный, Вас лишь одолев.

ФАМИРА-КИФАРЕД

сонет-акростих

Посвящается Н. Церетелли

Феатров эллинских живы протагонисты.
Актер древнейших сцен новейшей воскрешен. —
Мне голос слышится, как мелодичный стон,
И профиль видится, прямой, антично-чистый...

Расцветивался свет густой, как аметисты,
А чаще – палевый, прозрачный, как лимон...
Как пел он! Как влачил свой пепельный хитон
И на кудрях носил венок зеленолистый!

Фамире за игру что принесу я в дар?
Алеющий цветок, как и с вином кантар,
Равно для юноши печального не близки.

Его, соперника Эвтерпы и других,
Достойна только песнь служительницы их...

Прими ж, о кифаред, ее от кифаристки!

ИАКХ И ИОАНН

сонет

к картинам Леонардо Да-Винчи

Тот – в тигровом плаще, пятнистом, как цветы,
А этот – в милоти, туманов темнорунней.
Один – безумный бог и вождь хмельных плясуний,
Другой – пророк святой и враг их красоты.

Но оба роз свежей и утр весенних юней.
И странно схожи лиц пленительных черты,
И указующие тонкие персты,
И рты, изогнутые в виде полулуний...

О, лик двусмысленный! Как твой призыв манящ!
Но вслед за тирсом ли во мглу смолистых чащ
Помчусь я ликовать, как буйные мэнады?

Иль за Крестом пойду, чтоб молодую плоть
В пустыне пламенной, скитаяся, бороть,
Раскаясь и страшась судьбы Иродиады?..

«PRIMAVERA»

сонет

на картину Боттичелли

Весной тосканскою, сиреневой и серой,
Когда прозрачится небес аквамарин
И розовый цветет по рощам розмарин, —
Зеленовзорая приходит Primavera.

С ней Флора шалая и томная Венера,
Но не поется ей среди мреющих равнин —
Под свист фарфоровых пастушьих окарин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.